

Российское
психологическое
общество

ISSN 1812-1853 (Print)
ISSN 2411-5789 (Online)

Том 16 № 4

РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Издательство
КРЕДО

Москва

2019

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Митина Л. М. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
д. пс. н. Величковский Б. М. (ТУ, Дрезден, Германия)
д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
Ph. D. Granhag Pär-Anders (University of Gothenburg, Sweden)
Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)

Ph. D. Kalmus V. (University of Tartu, Estonia)
д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
д. биол. н. Полевая С. А. (ПИМУ, Нижний Новгород, РФ)
Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
Dr. Стошич Л. (Висока школа академских студија "Доситеј", Белград, Сербия)
д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь – Алексеева Д. С.

Редактор английской части – Панасенко Е. С.

Выпускающий редактор – Буняева М. В.

Технический редактор – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 140,
ком. 114
E-mail: editor@rpj.ru.com

Адрес издательства:

129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:

125009, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Каталог Роспечати «Газеты, Журналы»
Подписной индекс 46723

© Российское психологическое общество, 2019

© ООО "КРЕДО", 2019

Веб-сайт: rpj.ru.com

Концепция, миссия, цель и задачи Российского психологического журнала

Российский психологический журнал – научное рецензируемое издание, открытое для международного сотрудничества и публикующее оригинальные научные статьи и обзоры по психологии и педагогике. Журнал основан Российским психологическим обществом в 2004 году, выпускается 4 раза в год. С 2019 года издается на русском и английском языках.

Миссия журнала – в повышении качества и открытости психологической науки. Журнал стремится к поддержанию высокого уровня психологических исследований и повышению доступности научного знания для всех категорий читателей.

Цель журнала заключается, с одной стороны, в вовлечении российских исследователей в международное научное пространство, что обеспечивается внедрением современных международных издательских практик, с другой стороны, в содействии научной коллаборации российских и зарубежных авторов за счет знакомства иностранных исследователей с российскими научными разработками, не имеющими аналогов за рубежом.

Задачи журнала:

- 1) предоставление качественных научных результатов для начинающих и опытных ученых;
- 2) предоставление возможности исследователям публиковать и делиться своими работами в научных кругах по всему миру;
- 3) продвижение статей журнала в международном научном пространстве через вхождение в авторитетные международные базы данных и каталоги;
- 4) повышение международной кооперации авторов;
- 5) повышение видимости, цитирования, доверия и авторитета российских научных работ в мировом научном пространстве.

В журнале осуществляется двойное слепое рецензирование, каждая рукопись оценивается не менее чем двумя экспертами.

Журнал придерживается международных стандартов издательской этики в соответствии с рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Читательская и авторская аудитория журнала

Читательская аудитория Российского психологического журнала состоит из нескольких категорий.

Наибольший интерес статьи журнала представляют для академического сообщества, исследователей в сфере психологии и педагогики; на страницах журнала публикуются передовые исследования в актуальных областях науки.

Студенты и аспиранты могут найти необходимый материал, который послужит опорой в обучении и который поможет начать собственные исследования. Также статьи журнала будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся конкретными или новыми темами в сфере психологии и педагогики.

Авторскую аудиторию журнала составляют сотрудники университетов (преподаватели, доценты, профессора), научные сотрудники научно-исследовательских организаций, активные исследователи различных областей психологии и педагогики, практикующие специалисты, а также аспиранты и соискатели ученой степени – им предоставляется возможность публиковать статьи высокого качества.

Журнал входит в Перечень ВАК (по предметным областям психологии и педагогики), включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Ulrichsweb, ResearchBib, Directory of Open Access Journals (DOAJ) и другие базы и каталоги научных журналов.
Журнал является членом ассоциаций АНПИ, EASE, CrossRef.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0 Всемирная.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-16511 от 13 октября 2003 года.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Артищева Л. В.

Половозрастные особенности содержания субъективного опыта психических состояний детей с нарушениями в развитии..... 5

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Богушевская Ю. В., Бакина Ю. А.

Особенности типов отношения к болезни у женщин с разной продолжительностью течения соматизированных расстройств..... 22

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Кара Ж. Ю., Крутелёва Л. Ю.

Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций молодежи в период формирования семейных отношений..... 34

Лаврова О. А.

Содержание приоритетных ценностей у военных и гражданских пенсионеров с разными уровнями самоактуализации..... 42

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Базаров Т. Ю., Райков А. В., Шайхутдинов Р. Р.

Возможности и ограничения опросника «Мастер организации групповой работы»..... 56

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ..... 74

Половозрастные особенности содержания субъективного опыта психических состояний детей с нарушениями в развитии

Лира В. Артищева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

E-mail: ladylira2013@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9572-1307>

Аннотация

Введение. Целью исследования явилось изучение половозрастных особенностей в структуре субъективного опыта психических состояний детей с дефицитным развитием.

Методы. Исследовался субъективный опыт психических состояний: радости, гнева, спокойствия. Дети ретроспективно и перспективно описывали психические состояния. Методом контент-анализа текстов были выделены смысловые единицы, высчитывалась частота их встречаемости.

Результаты. Субъективный опыт психических состояний детей с нарушениями в развитии имеет содержательную специфику в зависимости от пола, возраста. Субъективный опыт некоторых психических состояний может иметь схожее содержание у мальчиков и девочек. Детский церебральный паралич: субъективный опыт психических состояний мальчиков младшего возраста более выражен, содержательнее, чем у девочек младшего возраста и у мальчиков-подростков. У девочек к подростковому возрасту опыт переживаний состояний значимо обогащается. В подростковом возрасте субъективный опыт состояний имеет разную выраженность в зависимости от пола и психического состояния. Тяжелые нарушения речи: у мальчиков младшего возраста субъективный опыт состояния радости значимо более выражен, чем у мальчиков-подростков. Опыт спокойствия у мальчиков имеет схожесть в содержании, а у девочек младшего возраста значительно богаче представлен, чем у мальчиков того же возраста. Субъективный опыт психических состояний, проецируясь в будущее, трансформируется, теряя некоторые содержательные компоненты.

Обсуждение результатов. Изучение субъективного опыта психических состояний детей с дефицитным развитием расширяет формат имеющихся исследований в области психологии психических состояний. Впервые раскрывается специфика опыта психических состояний детей с различной нозологией. Результаты данного исследования не противоречат имеющимся данным о психических состояниях детей школьного возраста, приведенным ранее А. О. Прохоровым.

Ключевые слова

субъективный опыт, опыт переживания, опыт состояний, психические состояния, дефицитное развитие, детский церебральный паралич, тяжелые нарушения речи, половые особенности, возрастные особенности, временной континуум

Основные положения

- ▶ субъективный опыт психических состояний имеет общее в своем содержании и специфичное, в зависимости от пола, возраста в различных нозологических группах детей;
- ▶ субъективный опыт состояний содержит регулятивный компонент, что говорит о высокой степени осознанности состояния некоторыми детьми, понимания механизмов саморегуляции;
- ▶ субъективный опыт состояний детей младшего возраста определяется наибольшей содержательностью. Опыт состояний в младшем возрасте у мальчиков представлен богаче, чем у девочек. Субъективный опыт девочек к подростковому возрасту насыщается эмоционально-чувственными характеристиками;
- ▶ субъективный опыт психических состояний трансформируется во временном континууме, что позволяет прогнозировать динамику состояний детей и выделять сквозные смысловые единицы для их встраивания в процессе регуляции.

Для цитирования

Артищева, Л. В. (2019). Половозрастные особенности содержания субъективного опыта психических состояний детей с нарушениями в развитии. *Российский психологический журнал*, 16(4), 5–21. doi: 10.21702/rpj.2019.4.1

Дата получения рукописи: 15.12.2019

Дата окончания рецензирования: 27.01.2020

Дата принятия к публикации: 30.01.2020

Введение

Субъективный опыт психических состояний

Психические состояния переживаются человеком, отражаясь в его сознании и фиксируясь в структурах памяти. Динамика психических состояний является достаточно сложным и комплексным закономерным процессом, при котором усложняется и обогащается эмоциональная сфера ребенка в контексте его общей социализации (Изотова и Никифорова, 2004). Психические состояния отрицательной модальности (гнев, страх, тревога, тоска и др.), поведение, детерминированное ими (плаксивость, уход в себя, зажатость и т. п.), выступают в качестве основных признаков нарушения психического развития детей, сказываясь на их социальной адаптации и личностном становлении (Изард, 2010).

События, ситуации прошлого и связанные с ними состояния хранятся в памяти, образуя содержание субъективного опыта. Психические состояния фиксируются в субъективном опыте человека в виде образа, который имеет определенную структуру, содержит информацию об интенсивности и содержательности состояний. То есть опыт представляет собой пространственно-временную схему состояний (Прохоров, 2008, 2011, 2012, 2013), является основанием для индивидуальных различий в познавательной деятельности (Холодная, 2002, 2004). Опыт переживания психических состояний позволяет идентифицировать свои состояния и состояния других (Артищева, 2018; Artishcheva, 2018, 2019), что обеспечивает личностное и социальное взаимодействие людей. Субъективный опыт психических состояний формируется, обогащается и трансформируется в течение всей жизни человека, что может быть обусловлено личностными особенностями, возрастными и половыми различиями. Опыт представляет собой

знание причин эмоций и психических состояний (Barrett, Mesquita, Ochsner, & Gross, 2007).

Незрелость эмоциональной сферы, свойственная детям с дефицитным развитием, обуславливает поведенческие и эмоциональные проявления (ситуативность, нестабильность, нестойкость). В связи с этим очевидно, что и субъективный опыт психических состояний детей с дефицитным развитием будет обедненным и отражать специфику нарушения.

Эмоциональная сфера детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата

Дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата (далее НОДА) чаще всего имеют незрелую эмоционально-волевую сферу. В основе их поступков обычно лежат эмоции удовольствия и сиюминутные желания, что приводит к эгоцентричности, неспособности сочетать свои и чужие интересы, подчиняться правилам и требованиям коллектива (Зайцева и Красиков, 2015). Такие дети обычно бывают беспокойными, расторможенными и суетливыми, с частой сменой настроения (Гарбузов, 1994; Ильин, 2013).

Отмечается повышенная ранимость, когда ребенок осознает свою физическую неполноценность, что детерминирует возникновение у них опасений оказаться смешными, и что еще более осложняет их социализацию (Кузнецова, Переслени и Солнцева, 2002). При нарушении опорно-двигательного аппарата, когда ребенок переживает свой двигательный дефект, вторичным нарушением могут выступать невротические и психотические реакции, т. е. эмоциональная сфера (Саморокова, 2015).

Наиболее остро физический недостаток переживается в подростковый и юношеский периоды. Физическая недостаточность может мобилизовать подростка на борьбу с болезнью, своей неполноценностью, чтобы найти себя в социуме. Но бывает, что переживания становятся центральными в жизни, уводя подростка от активного включения в социальную жизнь (Кузнецова и др., 2002).

Хроническое состояние конфликта между реальными возможностями и ожиданиями детей с НОДА приводит к постоянному чувству тревоги, напряжения, беспокойства. Тревожность таких детей приводит к робости, агрессивности и страхам, порой даже к безразличию, доходящей до апатии (Саморокова, 2015).

Переживания детей и подростков с ДЦП продиктованы имеющимися нарушениями в развитии. Осознание своей неполноценности обуславливает широкий спектр состояний.

Эмоциональная сфера детей с тяжелыми нарушениями речи

Нарушения речи обуславливают специфику развития детей. Они оказываются в условиях социальной депривации, что затрудняет усвоение социального опыта; искажается развитие эмоциональной сферы, а вместе с ней страдает и эмоциональная лексика (Кондратенко, 2002; Дубрынина и Боброва, 2017; Грибова, 1995). Такие дети испытывают затруднения в осознании своих и чужих эмоций, в дифференциации психических состояний, склонны к стрессовым состояниям, у них чаще доминирует отрицательный эмоциональный фон (Кондратенко, 2002; Шипицына и Волкова, 1993).

Они часто бывают раздражительными, неусидчивыми, возбудимыми, порой даже агрессивными, неуверенными в себе, обидчивыми и замкнутыми. При этом им свойственна быстрая переключаемость в переживаниях. Незрелость эмоционально-волевой сферы приводит к изменениям в личностной сфере и своеобразию поведения (Юрчук, 2008; Шкуркина, 2018; Лебединский, 2011).

Наличие проблем в эмоциональной сфере детей с дефицитным развитием определяет стратегию коррекции и обучения таких детей эмоциональной грамотности или компетенции (Barnfather & Amod, 2012; Kremenitzer, 2005), подразумевающую знания об эмоциях и психических состояниях (Izard et al., 2001). Эмоциональная неграмотность детей с нарушениями в развитии определяется не только сложностью в выражении своих эмоций, их понимании и идентификации, но и личностными особенностями ребенка, условиями его воспитания. Ученые показали, что у детей с ограниченными возможностями здоровья, воспитывающихся у родителей с сенсорными нарушениями, уровень эмпатии и сопереживания выше (Eden, Romi, & Braun Aviyashar, 2017; Duvdevany, Moin, & Yahav, 2007).

Идентификация эмоций и психических состояний, их узнавание у себя и у других людей позволяют выстраивать положительное социальное взаимодействие, определяют успешность коммуникации, снижают проблемное поведение (Izard et al., 2001). Очевидна необходимость развития эмоциональной грамотности, навыка узнавать, осознавать и понимать психические состояния, что является возможным при наличии сформированного богатого опыта психических состояний.

Научная значимость результатов исследования объясняется тем, что изучение одного из аспектов субъективного опыта, связанного с психическими состояниями, их динамикой, интенсивностью и структурной организацией, позволит расширить границы понимания категории субъективного опыта в психологической науке. Также результаты исследования дополнят имеющийся научный задел в дефектологии. В рамках дефектологических наук исследуется, в основном, эмоционально-волевая сфера лиц с ограниченными возможностями здоровья. Раскрыта специфика эмоциональных состояний у детей в зависимости от нозологии. Очень фрагментарно представлены данные об идентификации психических состояний и эмоций детьми с различными нарушениями. Поэтому значимость изучения содержания субъективного опыта психических состояний детей и подростков с нарушениями в развитии в различных возрастных группах и с выделением половых особенностей для дефектологической науки не вызывает сомнений.

Практическая значимость. Специфика субъективного опыта психических состояний детей с нарушениями в развитии не изучена, но является значимой для успешной адаптации и социализации детей, важной для формирования навыков общения и взаимодействия с окружающими, для развития эмоционально-волевой сферы.

Методы

Характеристика объекта

Экспериментальная база исследования субъективного опыта – дети (7–11 лет, по 10–12 человек) и подростки (13–14 лет, по 10–13 человек) с нарушениями в развитии (тяжелые нарушения речи, детский церебральный паралич), с сохранным интеллектом.

Методики и методы исследования

Структурные компоненты субъективного опыта психических состояний детей и подростков определялись с использованием метода самоотчетов и контент-анализом текстов. Нами было выбрано три типичных психических состояния, часто переживаемых и знакомых детям и подросткам: радость, гнев, спокойствие. Данные состояния являются разномодальными (положительные, отрицательные) и с разным уровнем психической активности (высокий, средний).

Ход исследования

Исследовался субъективный опыт психических состояний – радости, гнева, спокойствия. Испытуемые ретроспективно и перспективно описывали свои психические состояния в свободной форме. На первом этапе испытуемые описывали психические состояния, пережитые в прошлом. Инструкция была следующая: «Вспомните, как Вы переживали радость (гнев, спокойствие) в прошлом, с какими событиями было связано, что Вы чувствовали, как проявлялась радость (гнев, спокойствие). Опишите как можно полно состояние».

На втором этапе описывали предвосхищения переживаний психических состояний в будущем. Инструкция: «Как Вы думаете, как Вы будете переживать радость (гнев, спокойствие) в будущем, с какими событиями будет связано, как будет проявляться радость (гнев, спокойствие)? Опишите как можно полно состояние в будущем».

Ответы испытуемых были обработаны экспертной группой при помощи контент-анализа. Единицей анализа были слова и словосочетания, которые выражали определенные значения, эмпирические индикаторы каждой смысловой единицы отражены в таблице 1. Далее высчитывалась частота встречаемости (упоминания) каждой смысловой единицы в текстах респондентов, что позволило определить наполненность и содержание субъективного опыта. Для выявления различий в выраженности показателей субъективного опыта психических состояний использовался t-критерий Стьюдента. Данные обрабатывались в программе SPSS-17.

Исследовались группы, выделенные по половому и возрастному признакам в рамках одной нозологии, и нозологические группы в рамках одного возраста и одного пола. Выявляя чаще встречаемые смысловые единицы в самоотчетах испытуемых каждой выделенной подгруппы, мы тем самым определяли основное структурное содержание субъективного опыта психических состояний.

Цель – изучить специфику содержания субъективного опыта психических состояний детей с нарушениями речи и опорно-двигательного аппарата (одна нозологическая группа – дефицитарное развитие), выявить половые и возрастные особенности в наполненности субъективного опыта состояний.

Задачи:

1. Провести исследование, направленное на изучение субъективного опыта разномодалных психических состояний, имеющих различную степень психической активности.
2. Выявить специфику содержания субъективного опыта психических состояний в зависимости от возраста, пола, нозологии.
3. Выделить ядерные и периферические слои субъективного опыта психических состояний.

Результаты

Для выделения показателей, составляющих субъективный опыт психических состояний, тексты были поделены на смысловые единицы. Раскроем содержание данных единиц, т. е. их эмпирические индикаторы (табл. 1).

Выделенные смысловые единицы относятся к различным категориям. Дети и подростки с нарушениями в развитии описывают психические состояния, переживаемые в прошлом и в ожидаемом будущем, через указание причин состояний, через внешние маркеры, например, общение и единение с кем-либо. Раскрывают состояния через свое поведение, реакции, виды деятельности и активности. Но также в опыте встречаются внутренние маркеры, относящиеся

к миру их чувств и переживаний, оценочным суждениям и размышлениям. Особое внимание хочется уделить элементам регуляции и преодоления проблем. Некоторые дети в описаниях негативных состояний прибегают к регулятивным приемам, т. е. в субъективном опыте негативных психических состояний может встречаться и путь к их преодолению.

Таблица 1

Эмпирические индикаторы смысловых единиц субъективного опыта психических состояний

№	Смысловые единицы	Эмпирические индикаторы характеристик
1	Оценка/количество/сравнение	«все нормально», «очень редко», «в основном», «нелюбимый предмет», «очень сильно» и т. п.
2	Родственники/близкие отношения	«с близкими людьми», «с мамой», «с бабушкой» и т. п.
3	Единение/принятие	«с родителями обсуждаю», «быть с близкими», «приняли выступать» и т. п.
4	Чувства/эмоции/переживания	«когда радуюсь», «сильно разозлить», «обида там», «ничего не чувствую» и т. п.
5	Причины/ситуации	«из-за чего-то», «рождение сестренки», «когда ем сладкое», «когда удовлетворена» и т. п.
6	Регуляция	«это проходит», «чтобы успокоиться», «они с ними справляются» и т. п.
7	Действия/деятельность	«читать книжки», «участвовать в разных конкурсах», «играю на гитаре» и т. п.
8	Мыслительные, мнемические, рефлексивные процессы	«думать о том...», «мысли там всякие хорошие», «думаю о чем-нибудь», «если перестая думать» и т. п.
9	Условия/место событий	«это заканчивается», «в выходные» и т. п.
10	Желания/мечты/ожидания	«ну это я мечтаю», «когда очень хотел» и т. п.
11	Реакции/поведение	«могу поссориться», «ничего не делаешь», «сидишь спокойно», «спокойно реагируют» и т. п.
12	Физиологические процессы	«сердце кровью обливается», «я устал» и т. п.
13	Общение	«обсуждаю», «вообще не разговариваю», «сизу разговариваю» и т. п.
14	Абстракции/метафоры	«словно падаю», «как природа разговаривает», «когда опускаются руки» и т. п.

Путем анализа частоты встречаемости смысловых единиц, показателей субъективного опыта психических состояний, мы определим ядерные слои опыта и его периферию.

Дети младшего возраста с двигательными нарушениями. Анализируя половые особенности субъективного опыта психических состояний, мы получили следующее. Мальчики (7–10 и 13–14 лет) с ДЦП более полно раскрывают состояние радости, чем девочки этих возрастов. Их тексты содержат описание различных сторон переживания состояний с использованием большего числа смысловых единиц. Субъективный опыт состояний *радости и гнева* (состояния высокого уровня психической активности) у мальчиков младшего возраста содержит, в основном, оценочно-сравнительные характеристики («давно», «вроде все», «плохо» и пр.), описание действий и деятельности («пошли в кино», «делали уроки», «наругает» и пр.), условий или места событий («очень давно», «после уроков», «сейчас», «со школы домой» и пр.). В проекции будущего субъективный опыт данных состояний обедняется, т. е. описания состояний в будущем скуднее (меньше частота упоминания смысловых единиц). Но сохраняются ведущие компоненты, кроме указания места и условий событий, сопровождающих переживания. Субъективный опыт состояния спокойствия у мальчиков младшего возраста представлен эмоциональными характеристиками («спокоен», «рада становилась», «не злился» и пр.) и отражающими действия, деятельность («не наругает», «пятерку получил», «сказку включает»). В будущее спокойствие проецируется, в основном, с описанием действий и деятельности. Отметим, что элемент регуляции у некоторых мальчиков младшего возраста встречается в субъективном опыте гнева в проекции на будущее, т. е. они уже прогнозируют управление данным состоянием в будущем.

Субъективный опыт состояний девочек более разнообразный. У девочек младшего возраста опыт состояния радости представлен, в основном, описаниями эмоционально-чувственных переживаний («грустно», «весело», «горда» и пр.), причин и ситуаций, детерминирующих радость («происходит веселье», «к бабуле поехать», «в кино пошли» и пр.), а также характеристиками, отражающими близкие отношения и родственные связи («к бабуле поехать», «мы с мамой», «с Ралиной» и пр.), действия и деятельность («пошли в кино», «плавала», «сидела дома» и пр.). В проекции на будущее субъективный опыт радости у девочек редуцируется, в качестве ведущего компонента сохраняется лишь описание действий и деятельности, но усиливается оценочно-сравнительными единицами. Субъективный опыт состояния гнева представлен меньшим числом смысловых единиц, среди них чаще встречаемые оценочно-сравнительные и эмоционально-чувственные («обидчивость», «расстройство», «злилась» и пр.) характеристики. В проекции будущего субъективный опыт изменяется, в нем увеличивается частота эмоционально-чувственных упоминаний («злюсь», «не буду испытывать гнев», «обиженная сидела» и пр.) и описание действий и деятельности («хулиганит», «кому-то портить, ломать» и пр.). Состояние спокойствия представлено в субъективном опыте, в основном, смысловыми единицами, которые раскрывают действия и деятельность («сидела», «плаваем», «рисую», «могла заниматься, чем хочу» и пр.), причины и ситуации («когда играю в игрушки», «когда делаю поделку» и пр.), детерминирующие данное состояние. Спокойствие проецируется в будущее, в основном, через оценочно-сравнительные характеристики и описание действий и деятельности. Указание на регуляцию своего состояния и поведения некоторые девочки младшего возраста отмечают только в проекции на будущее состояния гнева. В опыте одной из них встречается компонент, регулирующий состояние гнева («а потом все равно прощу»), у другой отмечается невозможность регуляции («вот не могу держать контроль»).

Дети подросткового возраста с двигательными нарушениями. Рассмотрим половые особенности субъективного опыта психических состояний у мальчиков и девочек среди подростков. Субъективный опыт радости у мальчиков-подростков представлен, в основном, оценочно-сравнительными характеристиками («иногда...», «всякие хорошие», «всё нормально» и пр.) и описаниями действий, деятельности («читать книги», «оказать помощь», «не надо ничего писать» и пр.). Проекция опыта состояния радости в будущее представлена, в основном, характеристикой, отражающей действия и деятельность. Субъективный опыт состояния гнева содержит оценочно-сравнительные характеристики и эмоции, чувства («раздраженный», «сильно злится», «я виноват» и пр.). Проецируется субъективный опыт гнева в будущее с меньшим числом смысловых единиц, из них чаще встречаемые характеристики сравнения и оценки, причины и ситуации («когда поссорюсь», «права заберут», «когда что-то не получается» и пр.), действия и деятельность («обидит», «что-то не выполняют», «не смогу водить» и пр.). Субъективный опыт состояния спокойствия содержит, в основном, описания действий и поступков («играю на гитаре», «мирно играет», «не остановишь» и пр.) и оценки, сравнения. В будущее опыт спокойствия проецируется, сохраняя данные смысловые единицы как чаще встречаемые. Регуляция состояний и поведения у мальчиков-подростков отражена в субъективном опыте гнева («это проходит», «гнев я стараюсь не выплескивать» и пр.) и спокойствия («в любых ситуациях сесть, попить чаек и успокоиться», «когда понимаешь, что ничего не сделать, не стоит ругаться»).

Субъективный опыт радости девочек-подростков содержит, в основном, эмоции, чувства («радость в душе», «счастливые моменты», «эмоциональное возбуждение») и экспрессивные проявления, реакции («у меня улыбка», «яркие глаза» и пр.). Девочки-подростки очень обедненно проецируют в будущее опыт переживания радости, его ведущим компонентом является оценочно-сравнительная характеристика. Гнев в их опыте представлен характеристиками сравнения и оценок («быстро проходит», «всегда» и пр.), чувственно-эмоциональными описаниями («держат в себе», «обидчивость», «ярость», «я виновата» и пр.). Проецируется субъективный опыт гнева у девочек-подростков измененным, но не обедненным смысловыми единицами; ведущей из них является характеристика, описывающая действия и деятельность. Содержание субъективного опыта спокойствия у девочек-подростков, в основном, представлено смысловыми единицами, отражающими оценки, сравнения и чувства, эмоции, переживания («отличное настроение», «спокойна»). В проекции на будущее субъективный опыт спокойствия ведущим компонентом сохраняет оценочно-сравнительную характеристику. Отметим, что регулятивный компонент у девочек-подростков встречается только в субъективном опыте гнева в континууме «прошлое – будущее».

Далее по такой же логике рассмотрим специфику субъективного опыта психических состояний детей с тяжелыми нарушениями речи.

Дети младшего возраста с тяжелыми нарушениями речи. Содержание опыта состояния радости у мальчиков младшего возраста представлено описанием действий, деятельности («это делали», «дарили подарки», «мама ругала» и пр.), отношениями с родственниками, близкими людьми («помогал маме», «Таня там была, старшая сестра» и пр.), причинами и ситуациями («когда не нужно за ней ухаживать», «что-то не разрешают», «радость от Нового года» и пр.). Проекция субъективного опыта радости в будущее у них раскрывается оценочными характеристиками, действиями, деятельностью. Субъективный опыт состояния гнева у мальчиков младшего возраста представлен описанием действий, деятельности («шел

попить», «дядя приезжает», «обижает меня», «драться» и пр.) и сравнением, оценкой. В будущее субъективный опыт состояния гнева проецируется с большим спектром чаще встречаемых характеристик. Мальчики младшего возраста указывают на эмоционально-чувственную сферу, оценочно-сравнительные характеристики состояния, отношения с родственниками и близкими, дают описание действий и деятельности. Субъективный опыт спокойствия и его проекция в будущее у мальчиков младшего возраста, в основном, представлены одинаковыми смысловыми единицами: оценочно-сравнительной («все хорошо», «так удобнее» и пр.), эмоционально-чувственной («чувствую спокойно», «не бешусь», «внутри хороший» и пр.) и действиями, деятельностью («делать уроки», «не ругали», «помогать маме» и пр.). В субъективном опыте состояний гнева и спокойствия содержится регулятивная характеристика («когда держать себя можно», «держат гнев»).

Субъективный опыт состояния радости у девочек младшего возраста представлен, в основном, описанием оценок, сравнений, эмоций, чувств («любила лето», «грустно» и пр.) и действий, деятельности («приезжала бабушка», «в бассейне купались» и пр.). В будущее опыт состояния радости проецируется измененным, но также с большим числом смысловых единиц; наиболее часто встречаемые характеристики отражают действия, деятельность, родственные отношения, условия, место событий. Субъективный опыт состояния гнева у девочек младшего возраста представлен описаниями действий, деятельности («раскидываю вещи», «подруга обижала» и пр.), сравнительно-оценочными характеристиками. В проекции на будущее в субъективном опыте гнева сохраняется ведущий компонент, описывающий действия и деятельность; также часто встречаемой является характеристика, отражающая условия и место событий, связанных с данным переживанием. Состояние спокойствия в прошлом опыте у мальчиков раскрывается через действия («рисовать», «я готовлю», «сидела на лошадке» и пр.), чувства, эмоции. Проекция субъективного опыта спокойствия в будущее трансформируется и представлена описаниями действий, деятельности и родственных отношений. Отметим, что в субъективном опыте гнева и спокойствия содержится регулятивный компонент («успокаиваюсь, когда ложусь на кровать», «он успокаивал»), он же проецируется и в будущее в субъективном опыте спокойствия («я успокаиваюсь, когда делаю поделки», «дом будет успокаивать» и пр.).

Субъективный опыт состояния радости у мальчиков-подростков, в основном, содержит описания причин и ситуаций, связанных с данным состоянием («когда приезжал в интернат», «ничего не происходило», «в разных ситуациях» и пр.). В будущее опыт состояния радости проецируется редуцированным, т. е. с меньшей частотой встречаемости смысловых единиц, ведущей из которых является оценочно-сравнительный компонент. Субъективный опыт состояния гнева представлен, в основном, описанием действий («мама наказала», «не разрешила», «побежали встретиться» и пр.) и причин, ситуаций, вызвавших данное состояние («когда мама умерла», «потому что много задали» и пр.). Субъективный опыт гнева проецируется в будущее, в основном, с оценочно-сравнительными характеристиками и указанием причин, ситуаций, связанных с гневом. Состояние спокойствия в субъективном опыте мальчиков-подростков раскрывается чаще через оценочно-сравнительные характеристики и указание причин, ситуаций («ничего не происходило», «любая музыка», «папа купил смартфон» и пр.). В проекции на будущее опыт состояния спокойствия представлен обедненно, т. е. с меньшим числом смысловых единиц и с меньшей их встречаемостью. В будущем опыт спокойствия представлен, в основном, описанием причин, ситуаций, связанных с данным состоянием, и действий, деятельности. Регулятивный компонент встречается в субъективном

опыте гнева во всем временном континууме «прошлое – будущее» («дрался и чувствовал после этого успокоение», «буду стараться спокойно все принимать», «грущу, но успокаиваюсь» и пр.) и в опыте состояния спокойствия («еще успокаивало...»).

Сравним выраженность показателей субъективного опыта психических состояний радости, гнева, спокойствия между детьми младшего и подросткового возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата (табл. 2). В таблице 2 указаны лишь те показатели, которые имеют значимые различия в исследуемых группах.

Таблица 2			
Значимость различий в выраженности содержательных компонентов субъективного опыта психических состояний детей с детским церебральным параличом (возрастные группы)			
Смысловые единицы	Радость. Мальчики		
	Средние значения.	Значимость различий по t-критерию	Средние значения.
	Дети	Студента	Подростки
1. Оценка/количество/сравнение	4,4	$p < 0,001$	1,8
2. Родственники / близкие отношения	2,1	$p < 0,001$	0,6
4. Чувства/эмоции/переживания	2,1	$p < 0,01$	1,2
5. Причины/ситуации	2	$p < 0,01$	1,1
7. Действия/деятельность	3,3	$p < 0,001$	1,8
9. Условия / место событий	2,7	$p < 0,001$	0,8
Радость. Девочки			
2. Родственники / близкие отношения	1,2	$p < 0,01$	0
5. Причины/ситуации	1,3	$p < 0,05$	0,7
9. Условия / место событий	0,2	$p < 0,05$	0,7
11. Реакции/поведение	0,7	$p < 0,05$	1,3
Гнев. Мальчики			
2. Родственники / близкие отношения	1,6	$p < 0,001$	0
5. Причины/ситуации	2	$p < 0,01$	0,9
6. Регуляция	0	$p < 0,05$	0,6
7. Действия/деятельность	3,6	$p < 0,001$	1
9. Условия / место событий	2,3	$p < 0,001$	0,5
10. Желания/мечты/ожидания	0,1	$p < 0,05$	0,6

Таблица 2

Значимость различий в выраженности содержательных компонентов субъективного опыта психических состояний детей с детским церебральным параличом (возрастные группы)

Гнев. Девочки			
4. Чувства/эмоции/переживания	1	$p < 0,01$	2
6. Регуляция	0	$p < 0,01$	0,7
7. Действия/деятельность	0,5	$p < 0,01$	1,3
9. Условия / место событий	0,3	$p < 0,01$	1,3
10. Желания/мечты/ожидания	0	$p < 0,01$	1
11. Реакции/поведение	0,3	$p < 0,01$	1
Спокойствие. Мальчики			
1. Оценка/количество/сравнение	1,9	$p < 0,05$	1,3
2. Родственники / близкие отношения	1,1	$p < 0,05$	0,3
4. Чувства/эмоции/переживания	2,6	$p < 0,001$	0,8
5. Причины/ситуации	1,3	$p < 0,01$	0,4
7. Действия/деятельность	3,1	$p < 0,001$	1,1
8. Мыслительные, мнемические и рефлексивные процессы	0,1	$p < 0,01$	1,1
9. Условия / место событий	2	$p < 0,01$	0,8
Спокойствие. Девочки			
1. Оценка/количество/сравнение	0,5	$p < 0,01$	1,7
4. Чувства/эмоции/переживания	0,8	$p < 0,001$	2,3
7. Действия/деятельность	2,3	$p < 0,01$	1
8. Мыслительные, мнемические и рефлексивные процессы	0	$p < 0,05$	0,7
9. Условия / место событий	0,2	$p < 0,05$	0,7

Показатели субъективного опыта психических состояний – радость, гнев, спокойствие – у мальчиков младшего возраста более выражены, т. е. их опыт содержательнее, чем у мальчиков-подростков. Можно выделить и сквозные характеристики субъективного опыта, которые значимо выражены в субъективном опыте каждого состояния. К ним относятся характеристики, отражающие родственные отношения, причины и ситуации, действия и деятельность, условие

и место событий. У девочек картина не так однозначна. Девочки младшего возраста в описаниях состояния радости, переживаемой в прошлом, чаще указывают на причины, ситуации, отношения с родственниками, которые детерминируют данное состояние. Но в опыте состояния радости девочек-подростков больший акцент делается на описании условий, событий и реакций, связанных с состоянием радости. Субъективный опыт состояния гнева у девочек подросткового возраста насыщеннее содержательными компонентами, чем у девочек младшего возраста. Характеристики субъективного опыта спокойствия, раскрывающие эмоционально-чувственную сферу, оценочно-сравнительный аспект, мыслительные, рефлексивные процессы, условия и место событий, значимо более представлены у девочек-подростков. А у девочек младшего возраста в субъективном опыте спокойствия более выражено описание действий и деятельности.

Далее сравним выраженность характеристик субъективного опыта психических состояний радости, гнева, спокойствия между мальчиками и девочками с нарушениями опорно-двигательного аппарата разных возрастов (табл. 3). В таблице 3 указаны лишь те показатели, которые имеют значимые различия в исследуемых группах.

Таблица 3			
Значимость различий в выраженности содержательных компонентов субъективного опыта психических состояний детей с детским церебральным параличом (группы по половому признаку)			
Радость. Мальчики и девочки младшего возраста			
Смысловые единицы	Средние значения. Мальчики	Значимость различий по t-критерию Стьюдента	Средние значения. Девочки
2. Родственники / близкие отношения	2,1	$p < 0,01$	1,2
5. Причины/ситуации	2	$p < 0,01$	1,3
7. Действия/деятельность	3,3	$p < 0,01$	1,2
9. Условия / место событий	2,7	$p < 0,001$	0,2
Гнев. Мальчики и девочки младшего возраста			
1. Оценка/количество/сравнение	2,4	$p < 0,01$	1,5
2. Родственники / близкие отношения	1,6	$p < 0,01$	0,3
4. Чувства/эмоции/переживания	2,1	$p < 0,01$	1
5. Причины/ситуации	2	$p < 0,001$	0,5
7. Действия/деятельность	3,6	$p < 0,001$	0,5
9. Условия / место событий	2,3	$p < 0,001$	0,3
11. Реакции/поведение	1,1	$p < 0,01$	0,3

Таблица 3

Значимость различий в выраженности содержательных компонентов субъективного опыта психических состояний детей с детским церебральным параличом (группы по половому признаку)

Спокойствие. Мальчики и девочки младшего возраста			
1. Оценка/количество/сравнение	1,9	$p < 0,01$	0,5
4. Чувства/эмоции/переживания	2,6	$p < 0,001$	0,8
6. Регуляция	0,7	$p < 0,05$	0
7. Действия/деятельность	3,1	$p < 0,01$	2,3
9. Условия / место событий	2	$p < 0,01$	0,2
11. Реакции/поведение	1,1	$p < 0,01$	0
Радость. Мальчики и девочки подросткового возраста			
1. Оценка/количество/сравнение	1,8	$p < 0,01$	1
2. Родственники / близкие отношения	0,6	$p < 0,05$	0
3. Единение/принятие	0,6	$p < 0,05$	0
4. Чувства/эмоции/переживания	1,2	$p < 0,01$	2,3
7. Действия/деятельность	1,8	$p < 0,01$	1
11. Реакции/поведение	0,6	$p < 0,05$	1,3
12. Физиологические процессы	0	$p < 0,01$	1
Гнев. Мальчики и девочки подросткового возраста			
1. Оценка/количество/сравнение	2,4	$p < 0,05$	1,7
2. Родственники / близкие отношения	0	$p < 0,05$	0,7
4. Чувства/эмоции/переживания	1,4	$p < 0,05$	2
5. Причины/ситуации	0,9	$p < 0,05$	0,3
9. Условия / место событий	0,5	$p < 0,01$	1,3
Спокойствие. Мальчики и девочки подросткового возраста			
4. Чувства/эмоции/переживания	0,8	$p < 0,001$	2,3
5. Причины/ситуации	0,4	$p < 0,05$	1
6. Регуляция	0,7	$p < 0,05$	0
11. Реакции/поведение	0,7	$p < 0,05$	0

Субъективный опыт исследуемых психических состояний у мальчиков младшего возраста значимо более выражен по многим показателям, чем у девочек младшего возраста. Можно выделить и сквозные характеристики, которые имеют значимые различия в субъективном опыте каждого состояния. К ним относятся оценочно-сравнительный компонент, действия и деятельность, условие и место событий, детерминирующих или сопровождающих переживания разномодальных состояний. В подростковом возрасте выявлена иная специфика.

В субъективном опыте состояния радости мальчиков-подростков значимо более выражены смысловые единицы, отражающие единение, родственные отношения, действия и деятельность, оценку и сравнение. А у девочек-подростков субъективный опыт радости наиболее представлен описаниями эмоционально-чувственной сферы и реакций. У мальчиков подросткового возраста в субъективном опыте состояния гнева значимо выражены оценочно-сравнительный компонент и раскрытие причин, ситуаций, связанных с гневом. В субъективном опыте состояния гнева девочек-подростков наиболее представлены описания родственных отношений, чувств и переживаний, условий и места событий. Субъективный опыт состояния спокойствия тоже имеет разную выраженность, в зависимости от пола. Так, например, у девочек подросткового возраста в опыте спокойствия значимо выражены эмоционально-чувственная сфера и описание причин, ситуаций. А у мальчиков-подростков в опыте спокойствия более полно раскрываются реакции, детерминированные спокойствием, и регулятивный аспект.

Далее по аналогии провели анализ значимых различий в группе детей с тяжелыми нарушениями речи (в силу ограниченности объема статьи таблицу с критерием различий не указали).

Субъективный опыт состояния радости у мальчиков младшего возраста значимо выражен, чем у мальчиков-подростков. У последних лишь характеристика, раскрывающая причины и ситуации, связанные с радостью, больше представлена в субъективном опыте. Субъективный опыт гнева имеет различную выраженность, в зависимости от возраста. Так, в субъективном опыте гнева у мальчиков младшего возраста большую выраженность имеют показатели, раскрывающие ситуации и причины гнева, действия и деятельность, мыслительные и рефлексивные процессы. А у мальчиков подросткового возраста в опыте гнева значимо больше представлены родственные отношения и эмоционально-чувственная сфера. Субъективный опыт состояния спокойствия имеет минимальное число различий в выраженности смысловых единиц. Лишь оценочно-сравнительная характеристика больше выражена в опыте спокойствия мальчиков-подростков.

Субъективный опыт состояния спокойствия у девочек младшего возраста значимо содержательнее, чем у мальчиков того же возраста. А вот субъективный опыт состояния радости и гнева неоднозначно представлен. Девочки младшего возраста при описании состояния радости, переживаемого в прошлом, больший акцент делают на оценочно-сравнительном аспекте и эмоционально-чувственной сфере. А в опыте радости у мальчиков младшего возраста значимо выражены показатели, раскрывающие родственные отношения, причины и ситуации, действия и деятельность. В субъективном опыте состояния гнева девочек младшего возраста наиболее выражены описания родственных отношений и желаний, мечтаний. У мальчиков в субъективном опыте гнева более выражены показатели, отражающие мыслительные и рефлексивные процессы, условия и место событий, связанных с гневом.

Обсуждение результатов

Данное исследование является частью крупного проекта, направленного на изучение субъективного опыта психических состояний. В рамках научной школы А. О. Прохорова изучены различные аспекты психических состояний. Показана модель регуляции психических состояний, где большое внимание отводится опыту переживаний состояний. Но данная категория психического не изучена всесторонне. Имеющиеся исследования ориентированы на изучение психических состояний детей и взрослых с нормотипичным развитием. Мы поставили перед собой задачу изучить субъективный опыт психических состояний разных групп испытуемых.

Одна из выборок – это дети младшего и подросткового возраста с нарушениями в развитии, но с сохранным интеллектом.

Субъективный опыт психических состояний – сложная категория психического. Изучение содержания и структуры опыта состояний позволит выделить общее и специфичное в переживании состояний, а также выявить те компоненты, которые, с одной стороны, характеризуют психическое состояние, с другой стороны, могут быть маркерами в построении стратегии регуляции. Дети с нарушениями в развитии имеют слабо сформированную эмоционально-волевую сферу. И как было сказано выше, они испытывают сложности в идентификации состояний, осознании их и в узнавании, что, в свою очередь, осложняет процесс взаимодействия с окружающими, регуляции своего поведения и состояний, в налаживании взаимоотношений.

В результате анализа полученных данных мы постарались выделить те смысловые единицы субъективного опыта состояний, которые чаще встречаются в текстах испытуемых. Мы считаем, что эти компоненты, являясь чаще употребляемыми, могут составить ядерные образования опыта, а значит и стать пусковым механизмом в процессе регуляции, быть фундаментом для идентификации состояний. То есть ядерные образования, при условии их схожести в исследуемых группах, позволяют идентифицировать и дифференцировать психические состояния, свои и чужие. Периферические слои субъективного опыта представлены менее употребляемыми единицами, но именно они могут придавать разнообразие и некую специфику субъективному опыту. Ядерные и периферические слои субъективного опыта состояний мы определяли с опорой на концепцию А. О. Прохорова о семантических пространствах психических состояний, в рамках которой ядерные слои определялись путем выделения оперантов, часто встречаемых в семантических полях состояний.

Анализ данных показал, что субъективный опыт психических состояний, относящихся к разной модальности и уровню психической активности, имеет содержательную специфику в зависимости от пола и возраста. Субъективный опыт во временном континууме «прошлое – будущее» трансформируется, некоторые элементы редуцируются (уменьшается частота их употребления или/и отсутствуют). В проекции на будущее опыт представлен меньшим числом смысловых единиц. Некоторым детям было сложно представлять свое будущее и описывать состояния.

Отметим, что в каждой группе испытуемых наиболее часто встречаемым компонентом субъективного опыта является «действие/деятельность», т. е. дети раскрывают свои переживания через описание действий, поступков, занимаемой деятельности. В большей мере это свойственно младшему возрасту, что не противоречит данным исследования возрастных особенностей семантических пространств психических состояний (Прохоров, 2002). Содержательность субъективного опыта состояний у мальчиков в младшем возрасте богаче, к подростковому возрасту описания переживаний более скудные. Возможно, это связано с возрастной переоценкой многих ключевых жизненных понятий, с феноменом «ямы» (Прохоров, 2002), со снижением рефлексии и осознания в силу возрастного кризиса. У девочек выявлена обратная тенденция: к подростковому возрасту субъективный опыт состояний обогащается, большую выраженность начинают обретать смысловые единицы, отражающие чувства, эмоции, их проявления, отношения с близкими людьми, мечты и желания. В младшем возрасте субъективный опыт состояний более содержателен у мальчиков, чем у девочек. К подростковому возрасту субъективный опыт девочек становится более насыщенным и близким к опыту мальчиков.

Выявлено, что в континууме «прошлое – будущее» в субъективном опыте разномодальных психических состояний и разного уровня активности (гнев, спокойствие) встречается

регулятивный компонент, который носит произвольный (намеренные действия для изменения состояния) или непроизвольный характер (когда динамика состояния происходит сама по себе, но они это осознают).

В заключение отметим, что выявленная возрастная и половая специфика субъективного опыта психических состояний, выделение ядерных слоев и периферии позволят понять внутренний мир переживаний детей с ограниченными возможностями здоровья, выстраивать стратегии регуляции их психических состояний и поведения.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-01012 «Субъективный опыт психических состояний в ситуации прогнозирования жизнедеятельности».

Литература

- Артищева, Л. В. (2018). Прошлое и будущее в субъективном опыте психических состояний детей с дефицитным развитием. *Материалы Третьей Международной научной конференции* (Казанский (Приволжский) федеральный университет. 8–10 ноября 2018 г., с. 48–58). Казань: Изд-во Казанского университета.
- Гарбузов, В. И. (1994). *Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье*. Санкт-Петербург: Сфера.
- Грибова, О. Е. (1995). К проблеме анализа коммуникации у детей с речевой патологией. *Дефектология*, 6, 12–19.
- Дубрынина, Т. Е. и Боброва, В. В. (2017). Особенности эмоционально-волевой сферы у детей с общим недоразвитием речи дошкольного возраста. *Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки* (с. 61–66). Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга».
- Зайцева, Т. В. и Красиков, А. С. (2015). Организация психолого-педагогической коррекции. *Детский дом*, 15, 3–5.
- Изард, К. Е. (2010). *Психология эмоций*. Санкт-Петербург: Питер.
- Изотова, Е. К. и Никифорова, Е. В. (2004). *Эмоциональная сфера ребенка: теория и практика*. Москва: Академия.
- Ильин, Е. П. (2013). *Эмоции и чувства* (2-е изд., перераб. и доп.). Санкт-Петербург: Питер.
- Кондратенко, И. Ю. (2002). Особенности овладения эмоциональной лексикой детьми старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. *Дефектология*, 6, 51–59.
- Кузнецова, Л. В., Переслени, Л. И. и Солнцева, Л. И. (2002). *Основы специальной психологии: Учебное пособие для студентов*. Москва: Академия.
- Лебединский, В. В. (2011). *Нарушения психического развития в детском возрасте* (6-е изд.). Москва: Академия.
- Прохоров, А. О. (2002). *Семантические пространства психических состояний*. Дубна: Феникс+.
- Прохоров, А. О. (2008). Пространственно-временная организация образа психического состояния: концептуальный аспект. *Психология психических состояний: теория и практика: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции, Казанский государственный университет, 13–15 ноября 2008 г.* Казань: Новое знание.
- Прохоров, А. О. (2011). Образ психического состояния. *Психология психических состояний: сборник статей* (Вып. 8, с. 6–14). Казань.

- Прохоров, А. О. (2012). Образ психического состояния: феноменологические особенности. *Вопросы социальной психологии: Сб. науч. трудов* (Вып. 8 (13), с. 39–51). Саратов: Наука.
- Прохоров, А. О. (2013). Образ психического состояния. *Психологический журнал*, 34(5), 108–122.
- Саморокова, Л. А. (2015). Особенности эмоциональной сферы у детей с детским церебральным параличом младшего школьного возраста. *Международный студенческий научный вестник*, 6. Доступ 23 Ноября 2019, источник <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=13557>
- Холодная, М. А. (2002). *Психология интеллекта. Парадоксы исследования* (2-е изд.). Санкт-Петербург: Питер.
- Холодная, М. А. (2004). *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*. Санкт-Петербург: Питер.
- Шипицына, Л. М. и Волкова, Л. С. (1993). Некоторые особенности эмоционально-личностных качеств у младших школьников с общим недоразвитием речи. *Дефектология*, 4, 8–12.
- Шкуркина, О. И. (2018). Особенности эмоционально-волевой сферы детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. *Молодой ученый*, 27, 146–148.
- Юрчук, Е. Н. (2008). *Эмоциональное развитие дошкольников*. Москва: Сфера.
- Artishcheva, L. V. (2018). The experience of mental states of adolescents orphans. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. (Vol. XLV (45), pp. 317–325). Chelyabinsk: Future Academy.
- Artishcheva, L. V. (2019). Experience of mental states in children with health disabilities. In D. Solovev (eds), *Smart technologies and innovations in design for control of technological processes and objects: Economy and production. FarEastCon 2018. Smart Innovation, Systems and Technologies* (Vol. 139). Springer, Cham. doi: [10.1007/978-3-030-18553-4_77](https://doi.org/10.1007/978-3-030-18553-4_77)
- Barnfather, N., & Amod, Z. (2012). Empathy and personal experiences of trainees in an Emotional Literacy and Persona Doll programme in South Africa. *South African Journal of Psychology*, 42(4), 598–607.
- Barrett, L. F., Mesquita, B., Ochsner, K. N., & Gross, J. J. (2007). The experience of emotion. *Annual Review of Psychology*, 58, 373–403. doi: [10.1146/annurev.psych.58.110405.085709](https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085709)
- Duvdevany, I., Moin, V., & Yahav, R. (2007). The social life and emotional state of adolescent children of parents who are blind and sighted: A pilot study. *Journal of Visual Impairment & Blindness*, 101(3), 160–171. doi: [10.1177/0145482X0710100304](https://doi.org/10.1177/0145482X0710100304)
- Eden, S., Romi, S., & Braun Aviyashar, E. (2017). Being a parent's eyes and ears: emotional literacy and empathy of children whose parents have a sensory disability. *JORSEN*, 17(4), 257–264. doi: [10.1111/1471-3802.12383](https://doi.org/10.1111/1471-3802.12383)
- Izard, C., Fine, S., Schultz, D., Mostow, A., Ackerman, B., & Youngstrom, E. (2001). Emotion knowledge as a predictor of social behavior and academic competence in children at risk. *Psychological Science*, 12(1), 18–23. doi: [10.1111/1467-9280.00304](https://doi.org/10.1111/1467-9280.00304)
- Kremenitzer, J. P. (2005). The emotionally intelligent early childhood educator: Self-reflective journaling. *Early Childhood Education Journal*, 33(1), 3–9. doi: [10.1007/s10643-005-0014-6](https://doi.org/10.1007/s10643-005-0014-6)

Конфликт интересов отсутствует

Особенности типов отношения к болезни у женщин с разной продолжительностью течения соматизированных расстройств

Юлия В. Богушевская, Юлия А. Бакина*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Курск, Российская Федерация

* E-mail: yuna.bulgakova@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8340-0370>

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются особенности типов отношения к болезни у женщин с разной продолжительностью течения соматизированных расстройств. Полученные результаты могут быть полезны для достижения успешного лечебного взаимодействия между специалистами вторичной медицинской сети и пациентами с данным диагнозом. Изменение дисгармоничного отношения к болезни является одним из факторов, способствующих выздоровлению больного.

Методы. Исследование проведено на женщинах, страдающих соматизированными расстройствами до года, а также от года до пяти лет. Использована методика «Тип отношения к болезни» Л. И. Вассермана с соавт. для определения типов отношения к болезни у женщин с разной продолжительностью течения заболевания.

Результаты. Описаны статистически значимые различия в типах отношения к заболеванию у пациенток, страдающих соматизированными расстройствами более года, и женщин с длительностью болезни до года. Установлено, что у женщин с длительностью соматизированных расстройств более года преобладает сенситивный тип отношения к болезни, характеризующийся повышенным беспокойством по отношению к своему заболеванию, что свидетельствует о нарушении социальной адаптации. У женщин с длительностью заболевания до года преобладают типы отношения к болезни с интрапсихической направленностью, сопровождающиеся уходом в болезнь.

Обсуждение результатов. Данные проведенного исследования свидетельствуют о наличии дисгармоничного отношения к болезни у женщин при разной длительности соматизированных расстройств. Выявленные особенности отношения к болезни позволяют обосновать проведение психокоррекционных мероприятий.

Ключевые слова

соматизированное расстройство, отношение к болезни, внутренняя картина болезни, длительность заболевания, сенситивность, расстройство телесного дистресса, социальная дезадаптация, интерпсихическая направленность, интрапсихическая направленность, психологическая коррекция

Основные положения

- отношение к болезни у женщин с разными сроками заболевания при соматизированном расстройстве является дисгармоничным;
- у женщин при соматизированном расстройстве длительностью более года в отличие от пациенток, болеющих менее года, преобладает сенситивный тип отношения к болезни с интерпсихической направленностью, характеризующейся социальной дезадаптацией;
- у женщин при соматизированном расстройстве длительностью до года преобладают типы отношения к болезни с интрапсихической направленностью, что сопровождается «уходом в болезнь», в отличие от пациенток, страдающих соматизированным расстройством более года.

Для цитирования

Богушевская, Ю. В. и Бакина, Ю. А. (2019). Особенности типов отношения к болезни у женщин с разной продолжительностью течения соматизированных расстройств. *Российский психологический журнал*, 16(4), 22–33. doi: 10.21702/rpj.2019.4.2

Дата получения рукописи: 09.10.2019

Дата окончания рецензирования: 22.12.2019

Дата принятия к публикации: 25.12.2019

Введение

Соматизированные расстройства (СР) относятся к числу соматоформных (F45) в МКБ-10 и проявляются множественными соматическими функциональными симптомами, сопровождающими больных в течение 2-х лет и более. У лиц, страдающих СР, присутствуют постоянные требования медицинских обследований, которые не верифицируют какое-либо заболевание. Такие пациенты продолжают оставаться проблемой для специалистов первичной медицинской сети, т. к. зачастую отказываются следовать их рекомендациям обратиться за специализированной психиатрической помощью (Погосов и Богушевская, 2019; Боброва, 2012; Чижова, 2012; Собенников, 2014; Наумова, Куприянова и Белобородова, 2014).

В МКБ-11 соматоформные расстройства переименованы в расстройство телесного дистресса (РТД) по причине признания специалистами стигматизирующего влияния на пациентов термина «соматоформный». Немаловажно отметить, что в данной классификации предлагается решение проблемы диагностики РТД не на основе отсутствия физических или медицинских причин (как при соматоформных расстройствах в МКБ-10), а посредством выделения компонентов, которые присутствуют – беспокойность, чрезмерные мысли и поведение, направленное на поиск соматического заболевания (Gureje & Reed, 2016; First & Fisher, 2012; Reed et al., 2019; Pohontsch et al., 2018). В связи с этим выявление особенностей реагирования на заболевание будет являться ценным диагностическим материалом в работе клинических психологов и психиатров.

Преувеличение негативного значения субъективных симптомов при СР формирует у больных искаженное представление о причинно-следственных связях в развитии недуга, что также является одним из факторов «избегающего врача-психиатра поведения». Поэтому осознание роли психологических механизмов в развитии заболевания лицами, страдающими СР, увеличивает шансы обращения к специалистам нужного профиля.

Совокупность телесных ощущений, эмоциональные переживания, оценка своего состояния и информация о нем формируют *отношение к болезни*. При СР оно часто бывает дисгармоничным, что может способствовать хронизации заболевания, привести к психической и социальной дезадаптации больного (Погосов и Богушевская, 2017).

Диагноз «соматизированное расстройство», несмотря на весомый прогресс психофармакологии, на сегодняшний день имеет плохой терапевтический прогноз (Погосов, Ласков и Богушевская, 2018; Рупчев, 2001). В связи с этим, эмпирический поиск должен быть направлен на выявление дополнительных коррекционных мишеней, одну из которых представляет тип отношения к болезни. Для того чтобы понимать, каким образом формируется дисгармоничное отношение к болезни у лиц, страдающих СР, важно учитывать не только клинические проявления данного заболевания, но и патологические особенности личности, такие как демонстративность, склонность к формированию рентных установок по отношению к физическому состоянию, что отражается на социальном функционировании таких пациентов (Карвасарский, 1990; Квасенко, 1980).

Формирование соматизированных симптомов происходит не только за счет конверсионных процессов (предполагающих символический смысл болезненных физических ощущений), но и в результате механизма соматизации (выражения эмоционального дискомфорта и психологического стресса языком физических симптомов) (Александр, 2006; Barsky, Orav, & Bates, 2005).

Следует отметить, что существующие теоретические представления о соматизации часто не относятся к описанию сферы внутреннего телесного опыта, в которой переживается ощущение боли. Данное обстоятельство послужило возрастанию исследований телесности и ее участия в механизме соматизации. Например, в работе Рупчева (2001) у пациентов, страдающих соматоформными расстройствами, отмечаются ограниченность возможности определения интрацептивных ощущений, отсутствие развитой системы взаимодействия с внутренним телесным опытом, а также семантическая «метафоричность» внутренней телесности. По мнению автора, соматизация создает условия для возникновения патологических физических ощущений и направленного на них «чрезмерного» внимания. Также для данной категории больных свойственна отчужденность душевных и телесных феноменов.

Постановка диагноза «соматизированное расстройство» сказывается на социальном функционировании пациента и сопровождается выраженным беспокойством, немотивированной тревогой и нарушениями эмоционального реагирования. Так, Урванцев (2000) утверждает, что лица с высоким уровнем алекситимии часто высказывают соматические жалобы, что можно рассматривать как проявление соматизации аффекта. Наличие алекситимных черт при СР приводит к специфическим особенностям выстраивания межличностных взаимоотношений у данной категории пациентов.

По мнению Филимонова (2011), повышенная тревога у пациентов, госпитализированных в психиатрическое учреждение с диагнозом «соматоформное расстройство», в отличие от лиц, не имеющих опыта обращения к психиатру, обусловлена стигматизацией. Автор установил, что для данных пациентов характерно преобладание тревожного, обсессивно-фобического и неврастенического типов отношения к болезни. У лиц, страдающих соматоформными расстройствами и наблюдающихся в первичной медицинской сети, преобладает анозогностический вариант реагирования на болезнь, что связано с отсутствием понимания истинных причин функциональных симптомов и нежеланием признавать наличие психического расстройства.

На формирование дисгармоничного типа отношения к болезни при СР оказывают влияние и типологические особенности личности, которые отмечаются во многих исследованиях (Прибытков и Еричев, 2017; Tomenson et al., 2012). Ранее большое значение в развитии СР придавалось наличию истерических черт. В настоящее время получены результаты о роли преморбидного склада личности других типов (с преобладанием тревожных, сенситивных, шизоидных, пограничных и других черт), что не позволяет рассматривать истерические черты личности как единственные, характерные для больных СР (Чижова, 2012; Собенников, 2014; Прибытков, Юркова и Баженова, 2016; Tomenson et al., 2012; Lenze, Miller, & Munir, et al., 1999).

Помимо этого, существуют исследования, в которых указывается, что с усугублением течения данного расстройства формируется соматизированное развитие личности, при котором происходит уменьшение соматических симптомов, и в клинической картине начинают превалировать патохарактерологические расстройства (Александровский, 2006; Ушаков, 1978).

При анализе рациональной составляющей отношения к болезни у лиц, страдающих СР, согласно A. Martin, W. Rief, был выявлен когнитивный стиль с катастрофизацией телесных ощущений, что выступает феноменом, способствующим развитию и поддержанию функциональных симптомов при СР. Данным пациентам свойственны высказывания анозогнозического типа. Отрицание своего болезненного состояния может быть связано с ситуацией неопределенности, характером заболевания, типом течения, возрастом (Martin & Rief, 2011; Salkovskis, Warwick, Deale, et al., 2003; Брябрина, 2009).

Salkovskis et al. (2003) также выделяют особый когнитивный стиль пациентов с диагнозом «соматоформное расстройство», который характеризуется наличием дезадаптивных установок по отношению к здоровью и медицине, например, таких как: «здоровье есть тогда, когда нет никаких нарушений», «боль в эпигастральной области – язва желудка». При этом знания о связи между соматическими и психическими процессами могут быть неглубокими или же вообще отсутствовать. Такая когнитивная оценка больными СР своего состояния определяет настороженность и тревогу относительно телесной перцепции и способствует развитию ипохондрического фабулирования.

Излишнее беспокойство по поводу имеющихся нарушений тесно взаимосвязано не только с недостатком когнитивных представлений пациентов о болезни, но и со специфическими особенностями телесного опыта личности, что также является существенным фактором для формирования дисгармоничного отношения к болезни (Глазырина, Солодков, Кулыгин, Юсупов и Ятманов, 2016; White, McDonnell, & Gervino, 2011; Рассказова, 2013). Так, согласно данным Т. Д. Василенко, в структуре переживания телесного опыта при соматоформных расстройствах преобладает негативный аффект при трудности в выражении эмоций, а также склонность к интерпретации такими больными физиологических ощущений не как нормальных, а как патологических (Василенко и Мангушев, 2018; Юндалова и Николаевская, 2017).

Изучая особенности отношения к болезни при соматоформных расстройствах, Чижова (2012) выявила в своих исследованиях наличие тревожно-депрессивного настроения у данных пациентов. Преобладающими типами отношения к болезни были ипохондрический и неврастенический.

Своеобразный феномен «бегства в болезнь», по мнению Менделевича и Соловьевой (2002), характерный для СР и других невротических расстройств, является уклонением от трезвой оценки реальности и неспособностью разрешить внутренний конфликт.

Таким образом, исходя из теоретико-методологического анализа литературных источников по данной проблеме, можно заключить, что основу дезадаптивного варианта отношения

к болезни при СР составляют различные компоненты. Так, существенное влияние оказывают клинические особенности самого заболевания, осознание их фрустрирующего характера и угрозы для личности, связанные с этим когнитивные искажения, эмоциональные нарушения, специфические характеристики внутреннего телесного опыта, дисгармоничные типы отношения к болезни.

В настоящем исследовании осуществлена диагностика типов отношения к болезни на индивидуальном уровне, а также дан ответ на вопрос о том, каким образом отличаются типы отношения к болезни у женщин с продолжительностью течения СР до года и от года до 5 лет.

Целью исследования явилось изучение типа отношения к болезни при разной продолжительности течения соматизированных расстройств.

Методы

В выборке 1-ую группу составили женщины, страдающие СР до года ($n = 28$), с первичным обращением в психиатрическое учреждение; 2-ую группу – женщины, страдающие СР более года ($n = 28$), госпитализированные повторно. Средний возраст в обеих группах приблизительно равен 44,5 годам. Работающих пациенток больше в 1-ой группе (88,8 % и 55,5 % соответственно). В этой же группе количество незамужних женщин, и имеющих высшее образование также оказалось выше (77,7 % и 33,3 %, 44,4 % и 11,1 %, соответственно). В обеих выборках большинство женщин имеют детей (88,8 % и 77,7 %). Длительность заболевания в 1-ой группе составила до года (дата первого обращения 2018–2019), а во 2-ой группе – от 1 года до 5 лет (дата первого обращения 2012–2017).

Для диагностики типов отношения к болезни при СР была использована методика «Тип отношения к болезни» (ТОБОЛ) Л. И. Вассермана с соавт. При создании ТОБОЛ была использована клиничко-психологическая типология отношения к болезни, предложенная А. Е. Личко и Н. Я. Ивановым в 1980 г. Выделяются 12 типов отношения к болезни, которые были включены авторами в условно-адаптивный блок (гармоничный, эргопатический, анозогнозический типы), блоки с интрапсихической направленностью (тревожный, ипохондрический, неврастенический, апатический, меланхолический типы) и интерпсихической направленностью (эгоцентрический, сенситивный, дисфорический, паранойяльный типы). Последние два блока характеризуются нарушением психической и социальной адаптации. Также диагностируются три возможных типа отношения к болезни: «чистый» – доминирует один тип, «смешанный» – до 3-х типов, «диффузный» – от 3-х и выше (Вассерман, Иовлев, Карпова и Вукс, 2005).

Результаты

В ходе экспериментального исследования нами были рассмотрены различия в типах отношения к болезни у женщин при СР с разной длительностью заболевания. При подсчете результатов был использован непараметрический критерий U Манна – Уитни, т. к. распределение признаков отличается от нормального.

Из 12-ти возможных типов отношения к болезни нами были обнаружены статистически значимые различия при высоком уровне статистической достоверности лишь по сенситивному типу отношения к болезни. Данные сравнительного анализа типов отношения к болезни в группе женщин с разной длительностью СР представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ типов отношения к болезни при СР с разной длительностью заболевания

Переменные	p-level	Средние значения (до года)	Средние значения (более года)
Гармоничный	p = 0,451285	8,22222	13,55556
Эргопатический	p = 0,754690	17,33333	16,11111
Анозогнозический	p = 0,203006	9,88889	0,44444
Тревожный	p = 0,214710	14,33333	19,22222
Ипохондрический	p = 1,000000	16,00000	15,00000
Неврастенический	p = 0,506923	16,33333	12,55556
Меланхолический	p = 0,787628	10,00000	8,77778
Апатический	p = 0,893584	7,66667	6,22222
Сенситивный	p = 0,028503**	18,55556	33,55556
Эгоцентрический	p = 0,626136	13,00000	12,44444
Паранойяльный	p = 0,329132	6,22222	8,77778
Дисфорический	p = 0,690496	8,55556	10,00000

Условные обозначения:
 * – различия обнаружены на уровне статистической тенденции ($0,05 < p \leq 0,1$);
 ** – различия обнаружены на достоверном уровне статистической значимости ($0,01 < p \leq 0,05$);
 *** – различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$).

Для сенситивного типа отношения к болезни с интерпсихической направленностью характерны трудности социальной адаптации, связанные с нарушениями межличностного взаимодействия и обусловленные преморбидными особенностями личности.

Пациентки с длительностью СР более года склонны испытывать беспокойство и озабоченность возможным неблагоприятным впечатлением, которое может произвести на окружающую их информацию об их болезни, в отличие от пациенток, страдающих СР до года. Женщины с выраженным сенситивным типом отношения к болезни не хотят, чтобы посторонние и близкие люди проявляли к ним жалость или считали их обузой. Для них характерны ранимость и колебания настроения, связанные с межличностными контактами. Мы предполагаем, что сенситивный тип отношения к болезни, преобладающий у пациенток с длительностью СР более года, может быть связан как с феноменом стигматизации, так и с желанием выглядеть в глазах окружающих здоровым человеком. Результаты представлены на рисунке 1.

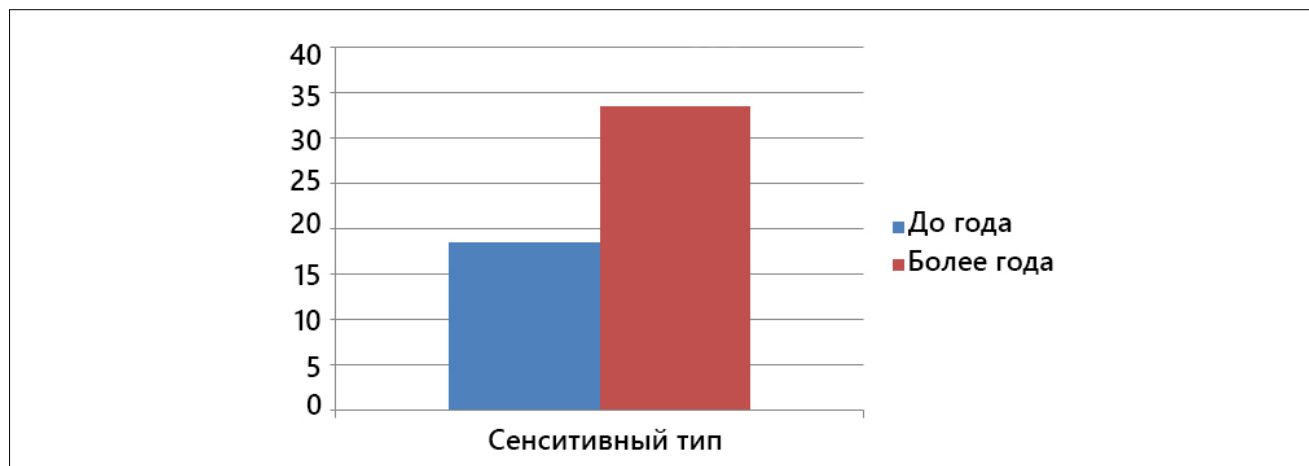

Рисунок 1. Гистограмма различий в средних значениях по сенситивному типу отношения к болезни у женщин при СР с разной длительностью заболевания

Далее нами был осуществлен сравнительный анализ частоты встречаемости типов отношения к болезни по показателю «сохранение/нарушение психической и социальной адаптации» у женщин, страдающих СР, с разной продолжительностью течения заболевания, с помощью использования критерия χ^2 Пирсона. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Направленность	Длительность заболевания	
	до года	более года
Интрапсихическая	69,6 % (16)	12,5 % (3)
Интерпсихическая	0 % (0)	45,8 % (11)
Условно-адаптивная	8,7 % (2)	12,5 % (3)
Интрапсихическая, интерпсихическая	21,7 % (5)	12,5 % (3)
Интерпсихическая, условно-адаптивная	0 % (0)	12,5 % (3)
Интрапсихическая, интерпсихическая, условно-адаптивная	21,7 % (5)	21,7 % (5)
Итого	100 % (28)	100 % (28)
p-level	p = 0,00256***	

Нами были обнаружены статистически значимые различия по частоте проявлений типов отношения к болезни с интерпсихической и интрапсихической личностными направленностями реагирования на болезнь.

Таким образом, у женщин с длительностью СР более года частота встречаемости интерпсихической направленности личностного реагирования на болезнь выше по сравнению с пациентками, страдающими СР менее года.

Для женщин с продолжительностью течения СР до года характерна высокая частота встречаемости интрапсихической направленности личностного реагирования на СР, что может быть связано с «уходом в болезнь», негативно отражающимся на эмоциональной сфере больных (преобладание тревожности, подавленности, реакций по типу раздражительной слабости). Полученные результаты представлены на рисунках 2 и 3.

Рисунок 2. Диаграмма распределения частоты встречаемости разных видов направленности личностного реагирования на болезнь при длительности СР до года

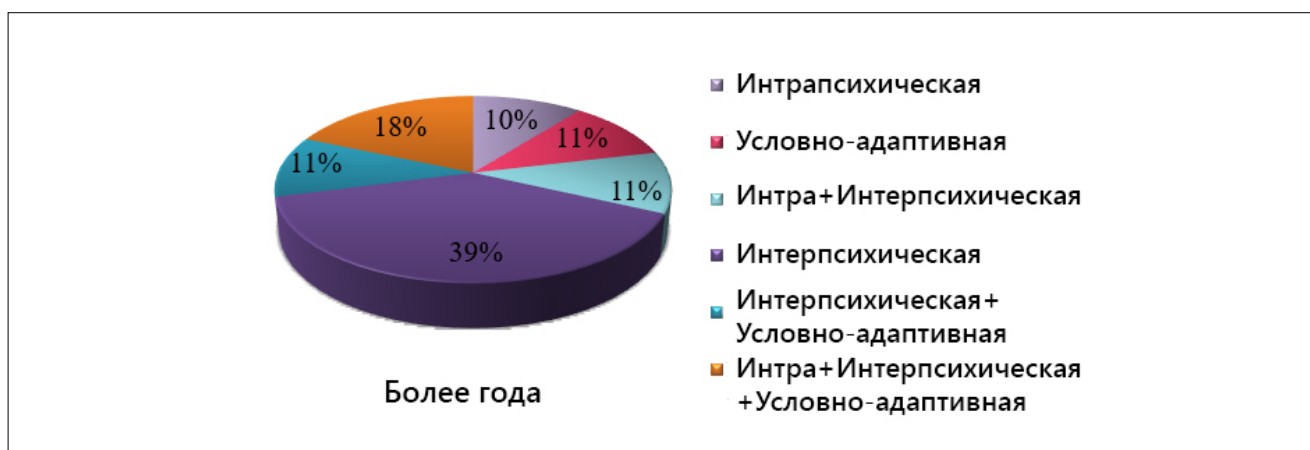

Рисунок 3. Диаграмма распределения частоты встречаемости разных видов направленности личностного реагирования на болезнь при длительности СР более года

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что в обеих группах испытуемых наблюдается нарушение психической и социальной адаптации.

Обсуждение результатов

В целом, полученные данные свидетельствуют о наличии дисгармоничного отношения к болезни у женщин при разной длительности СР.

Нами были получены статистически значимые различия между двумя группами больных по сенситивному типу отношения к болезни, что свидетельствует о нарушении социальной адаптации у женщин, страдающих СР более года. При исследовании частоты встречаемости возможных направленностей личностного реагирования на болезнь также были обнаружены статистически значимые различия. У пациенток при СР длительностью более года выражены типы отношения к болезни, характеризующиеся интерпсихической направленностью, в отличие от пациенток, страдающих СР до года, у которых преобладает интрапсихическая направленность. Такое отношение к болезни у женщин при СР с продолжительностью течения более года может быть обусловлено преморбидными особенностями личности, феноменами «стигматизации» и «самостигматизации», что нуждается в дальнейшем рассмотрении вопроса (Елфимова и Елфимов, 2009).

«Уход в болезнь», наблюдающийся у пациенток с длительностью заболевания до года, на наш взгляд, возможен из-за их сосредоточенности на болезненных ощущениях, развития «ипохондризации» личности, приобретения «вторичной выгоды» от заболевания.

Полученные нами результаты не противоречат данным многочисленных исследований, направленных, в частности, на изучение внутренней картины болезни при невротических расстройствах, где для пациентов характерны такие типы отношения к болезни, как неврастенический, ипохондрический и тревожный, соответствующие интрапсихической направленности личностного реагирования на болезнь (Брябрина, 2009; Глазырина и др., 2016; Михайлова, Ястребов и Ениколопов, 2002).

Женщины, страдающие СР, при продолжительности течения до года, характеризуются «внутренним переживанием» болезни, эмоциональной погруженностью в себя и симптоматику. В этом периоде происходит, как правило, процесс адаптации к болезни, который может привести при хронизации СР к смещению фокуса внимания с себя на окружающих и «использованию» симптомов «в своих целях», для коммуникации с другими людьми, что характерно для пациенток, страдающих СР на протяжении длительного времени (Merskey, 2004).

Практическая ценность настоящего исследования состоит в том, что выявленные нами особенности отношения к болезни позволили обосновать направление психологической коррекционной работы, целью которой является формирование гармоничного отношения к болезни и лечению при СР. Ее задачами являются:

- сформировать представления о влиянии психологических факторов на развитие соматизированных расстройств;
- повысить способность распознавания, дифференциации и понимания эмоций и сопровождающих их когнитивных процессов;
- сформировать адаптивное поведение в условиях заболевания;
- развить социальные навыки и межличностного взаимодействия.

Также, исходя из полученных результатов, можно выделить мишени для психотерапевтической коррекции:

1) коррекция индивидуального уровня реагирования на болезнь у женщин, страдающих СР до года, должна быть направлена на смещение фокуса с процесса «ипохондрического» развития личности в сторону проработки внутренних психологических проблем;

2) коррекция индивидуального уровня реагирования на болезнь у женщин, страдающих СР более года, должна быть направлена на снижение высокого уровня чувствительности в межличностных контактах.

Таким образом, на фоне постоянных и длительных контактов с медицинскими службами у лиц, страдающих СР, происходят значительные нарушения в социальной сфере функционирования личности, что подтверждается наличием индивидуальных дисгармоничных типов отношения к болезни, препятствующих физическому и психологическому благополучию. Для осуществления профессиональной психологической помощи данной категории больных необходимо дальнейшее изучение структуры отношения к болезни для целостного понимания того, каким образом при СР формируется дисгармоничное отношение к болезни, как оно изменяется в процессе течения заболевания и какие «мишени воздействия» будут нуждаться в коррекции.

Литература

- Александр, Ф. (2006). *Психосоматическая медицина. Принципы и применения* (А. М. Боковикова, В. В. Старовойтова, пер. с англ.). М.: Ин-т общегуманитарных исследований.
- Александровский, Ю. А. (2006). Некоторые узловые вопросы современной пограничной психиатрии. *Психиатрия и психофармакотерапия*, 8(2), 4–13.
- Боброва, М. А. (2012). *Эмоциональные, когнитивные и личностные нарушения при соматоформных расстройствах (типология, терапия и прогноз)* (кандидатская диссертация). Москва.
- Брябрина, Т. В. (2009). Особенности отношения к здоровью и болезни при соматоформной вегетативной дисфункции у лиц молодого возраста. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, 18(151), 80–85.
- Василенко, Т. Д. и Мангушев, Ф. Ю. (2018). Телесный опыт и его роль в структуре социальной фрустрированности у больных соматоформными расстройствами. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 7(2А), 38–45.
- Вассерман, Л. И., Иовлев, Б. В., Карпова, Э. Б. и Вукс, А. Я. (2005). Психологическая диагностика отношения к болезни: Пособие для врачей. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева.
- Глазырина, Т. М., Солодков, А. С., Кулыгин, С. В., Юсупов, В. В. и Ятманов, А. Н. (2016). Особенности вклада внутренней картины болезни и класса заболевания на уровень нервно-психической адаптации пациентов. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*, 6(136), 218–221.
- Елфимова, Е. В. и Елфимов, М. А. (2009). Личность и болезнь: «внутренняя картина болезни», качество жизни и приверженность лечению. *Заместитель главного врача*, 11, 18–25.
- Карвасарский, Б. Д. (1990). *Неврозы: Руководство для врачей* (2-е изд., перераб. и доп.). М.: Медицина.
- Квасенко, А. В. (1980). *Психология больного*. Л.: Медицина.
- Менделевич, В. Д. и Соловьева, С. Л. (2002). *Неврология и психосоматическая медицина*. Москва: МЕДпресс-информ.

- Михайлова, И. И., Ястребов, В. С. и Ениколопов, С. Н. (2002). Клинико-психологические и социальные факторы, влияющие на стигматизацию психически больных разных нозологических групп. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 7, 58–65.
- Наумова, Е. Л., Куприянова, Е. И. и Белобородова, Э. И. (2014). Адаптивные копинг-стратегии у пациентов с синдромом раздраженного кишечника. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 2(83), 62–64.
- Погосов, А. В. и Богушевская, Ю. В. (2017). Клинические, личностно-психологические и социально-демографические факторы, препятствующие обращению больных соматизированными расстройствами за специализированной помощью. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 4(97), 22–30. doi: [10.26617/1810-3111-2017-4\(97\)-22-30](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2017-4(97)-22-30)
- Погосов, А. В. и Богушевская, Ю. В. (2019). Проблема соматизированных расстройств: клиника, непрофильное обращение за медицинской помощью, психообразование. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*, 3, 64–72. doi: [10.31363/2313-7053-2019-3-64-72](https://doi.org/10.31363/2313-7053-2019-3-64-72)
- Погосов, А. В., Ласков, В. Б. и Богушевская, Ю. В. (2018). Причины необоснованного обращения больных соматизированными расстройствами к врачам общей медицинской практики. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, 10, 40–45. doi: [10.14412/2074-2711-2018-4-40-45](https://doi.org/10.14412/2074-2711-2018-4-40-45)
- Прибытков, А. А. и Еричев, А. Н. (2017). Соматоформные расстройства. Часть вторая: методика когнитивно-поведенческой психотерапии. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии*, 2, С. 10–16.
- Прибытков, А. А., Юркова, И. О. и Баженова, Ю. Б. (2016). Структура личности и механизмы психологической защиты при соматоформных расстройствах. *Социальная и клиническая психиатрия*, 26(2), 31–35.
- Рассказова, Е. И. (2013). Роль нарушений когнитивной и эмоциональной регуляции в возникновении соматических симптомов. *Вопросы психологии*, 6, 87а–97.
- Рупчев, Г. Е. (2001). *Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации: На модели соматоформных расстройств* (кандидатская диссертация). Москва.
- Собенников, В. С. (2014). *Соматизация и соматоформные расстройства*. Доступ 27 июня 2019, источник https://psychiatr.ru/news/344?pag_e=117
- Урванцев, Л. П. (2000). *Алекситимия как фактор психосоматических заболеваний*. В Л. П. Урванцев *Психология соматического больного*. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т.
- Ушаков, Г. К. (1978). *Пограничные нервно-психические расстройства*. Москва.
- Филимонов, А. П. (2011). Отношение к болезни пациентов с соматоформными расстройствами, наблюдающихся в психиатрических и общесоматических медицинских учреждениях. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 5(68), 28–30.
- Чижова, А. И. (2012). Клинико-психологические аспекты патогенеза соматоформных невротических расстройств. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*, 6, 138–144.
- Юндалова, Т. А. и Николаевская, А. О. (2017). Особенности телесности пациентов с расстройствами невротического спектра (на примере соматоформных расстройств). В И. Э. Есауленко (ред.), *Организация амбулаторно-поликлинической помощи в России: проблемы и перспективы их решения: Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции по результатам научно-исследовательской работы* (С. 380–382). Москва: Перо.

- Barsky, A. J., Orav, E. J., & Bates, D. W. (2005). Somatization increases medical utilization and costs independent of psychiatric and medical comorbidity. *Arch. Gen. Psychiatry*, 62(8), 903–910. doi: [10.1001/archpsyc.62.8.903](https://doi.org/10.1001/archpsyc.62.8.903)
- First, M. B., & Fisher, C. E. (2012). Body-integrity identity disorder: The persistent desire to acquire a physical disability. *Psychopathology*, 45(1), 3–14. doi: [10.1159/000330503](https://doi.org/10.1159/000330503)
- Gureje, O., & Reed, G. M. (2016). Bodily distress disorder in ICD-11: Problems and prospects. *World Psychiatry*, 15(3), 291–292. doi: [10.1002/wps.20353](https://doi.org/10.1002/wps.20353)
- Lenze, E. J., Miller, A. R., & Munir, Z. B. et al. (1999). Psychiatric symptoms endorsed by somatization disorder patients in a psychiatric clinic. *Annals of Clinical Psychiatry*, 11(2), 73–79. doi: [10.1023/A:1022342431514](https://doi.org/10.1023/A:1022342431514)
- Martin, A., & Rief, W. (2011). Relevance of cognitive and behavioral factors in medically unexplained syndromes and somatoform disorders. *Psychiatric Clinics of North America*, 34(3), 565–578. doi: [10.1016/j.psc.2011.05.007](https://doi.org/10.1016/j.psc.2011.05.007)
- Merskey, H. (2004). Somatization, hysteria, or incompletely explained symptoms? *The Canadian Journal of Psychiatry*, 49(10), 649–651. doi: [10.1177/070674370404901001](https://doi.org/10.1177/070674370404901001)
- Pohontsch, N. J., Zimmermann, T., Jonas, C., Lehmann, M., Löwe, B., & Scherer, M. (2018). Coding of medically unexplained symptoms and somatoform disorders by general practitioners – an exploratory focus group study. *BMS Family Practice*, 19, 129. doi: [10.1186/s12875-018-0812-8](https://doi.org/10.1186/s12875-018-0812-8)
- Reed, G. M., First, M. B., Kogan, C. S., Hyman, S. E., Gureje, O., Gaebel, W., ... Saxena, S. (2019). Innovations and changes in the ICD-11 classification of mental, behavioural and neurodevelopmental disorders. *World Psychiatry*, 18(1), 3–19. doi: [10.1002/wps.20611](https://doi.org/10.1002/wps.20611)
- Salkovskis, P. M., Warwick, H. M., Deale, A. C., et al. (2003). Cognitive-behavioral treatment for severe and persistent health anxiety (hypochondriasis). *Brief Treatment and Crisis Intervention*, 3(3), 353. doi: [10.1093/brief-treatment/mhg026](https://doi.org/10.1093/brief-treatment/mhg026)
- Tomenson, B., McBeth, J., Chew-Graham, C., MacFarlane, G., Davies, I., Jackson, J. ... Creed, F. (2012). Somatization and health anxiety as predictors of health care use. *Psychosomatic Medicine*, 74(6), 656–664. doi: [10.1097/PSY.0b013e31825cb140](https://doi.org/10.1097/PSY.0b013e31825cb140)
- White, K. S., McDonnell, C. J., & Gervino, E. V. (2011). Alexithymia and anxiety sensitivity in patients with non-cardiac chest pain. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 42(4), 432–439. doi: [10.1016/j.jbtep.2011.04.001](https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2011.04.001)

Конфликт интересов отсутствует

Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций молодежи в период формирования семейных отношений

Жанна Ю. Кара*, Людмила Ю. Крутелева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: kara_j@mail.ru, zykara@sfedu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6987-2531>, <https://orcid.org/0000-0003-3061-943X>

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются ценности и смыслы молодежи, находящейся в процессе формирования семейных отношений. Актуальность исследования связана с интересом к взаимоотношению молодых людей, к пониманию и выстраиванию собственной личностной, жизненной траектории. Цель исследования – изучить ценностно-смысловые особенности молодежи, находящейся в браке и находящейся в поиске партнера. В исследовании приняли участие 61 человек в возрасте 18–35 лет. Авторами рассмотрены в сравнении ценностно-смысловые особенности молодежи, находящейся в браке и находящейся в поиске партнера.

Методы. Применялись сравнительный анализ и обобщение теоретических положений; также были использованы диагностические методики: «Методика исследования системы жизненных смыслов», «Ценностный опросник Шварца», «Опросник самоотношения»; методы математической обработки эмпирических данных – для анализа основных характеристик распределения применялись описательная статистика и U-критерий Манна – Уитни.

Результаты и их обсуждение. Выявлено предпочтение жизненных смыслов в группе молодых людей, находящихся в поиске партнера, направленных на: поиск смысла собственной жизни, экзистенциальное осмысление собственного бытия, своего места в обществе, саморазвитие, самореализацию, активное взаимодействие с другими людьми. Для молодежи, находящейся в браке, неактуальна ценность «саморазвитие», что, по мнению авторов, может иметь влияние на целостность семьи. Значимые ценности для молодежи, находящейся в браке: личная безопасность, защита от внешних условий, тенденция к достижениям в личной и профессиональной области; важные для молодежи, находящейся в поиске партнера, – ценности достижения как развитие человека, самостоятельность, как принятие ответственности на себя за свою жизнь.

Приводятся выявленные, статистически значимые взаимосвязи ценностей и смыслов молодежи в период формирования семейных отношений. Новизна исследования заключается в выявлении и описании жизненных смыслов, ценностей современной российской молодежи, находящейся в браке и находящейся в поиске партнера.

Ключевые слова

ценности, ценностные ориентации, жизненные смыслы, смыслы, ценностная сфера, смысловая сфера, молодежь, потребности человека, семейные отношения, партнерство

Основные положения

- состав ведущих ценностей отличается у молодежи, находящейся в браке (безопасность, достижения, гедонизм) и находящейся в поиске партнера (достижения, самостоятельность, комфортность);
- жизненные смыслы отличаются у молодежи, находящейся в браке (коммуникативные) и находящейся в поиске партнера (экзистенциальные, гедонистические, самореализация);
- в состав жизненных смыслов и ценностей у молодежи, находящейся в браке и находящейся в поиске партнера, входят: «безопасность», «достижения», «гедонизм», «самостоятельность», «комфортность», «стимуляция», «самореализация», «экзистенциальные», «коммуникативные», «семейные».

Для цитирования

Кара, Ж. Ю. и Крутелёва, Л. Ю. (2019). Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций молодежи в период формирования семейных отношений. *Российский психологический журнал*, 16(4), 34–41. doi: 10.21702/rpj.2019.4.3

Дата получения рукописи: 29.11.2019

Дата окончания рецензирования: 20.01.2020

Дата принятия к публикации: 24.01.2020

Введение

Современная эпоха характеризуется постоянной трансформацией: социальной, политической, экономической. Человек живет в условиях неопределенности разных сфер жизни, требований принятия быстрых решений, увеличения конкурентной способности, адаптации к современным реалиям. Коренным образом изменились представления об успехе, успешном человеке, о способах достижения успеха, о личной жизни, о ближайшем окружении и, соответственно, трансформировались ценности и смыслы каждого человека. Становится очевидным кризис духовных и нравственных ценностей общества. И молодежь демонстрирует происходящие процессы переоценки и трансформации ценностей и смыслов в российском обществе, в поиске собственного места в мире, в спутнике жизни. В психологии смыслы и ценности определяются как личностные конструкты и основополагающие факторы, детерминирующие выбор жизненного пути человека.

Понятие ценностей и смыслов в психологической науке исследуется давно. За это время накопилось множество различных точек зрения по этой проблематике: психологических, философских, биологических и социально-экономических. В то же время, несмотря на появляющиеся новые исследовательские данные, отметим актуальность траекторий, заданных Узнадзе (1961), который ввел термин «установка», Рубинштейном (2019), оперирующим понятием «динамическая тенденция личности», А. Н. Леонтьевым (1971), Д. А. Леонтьевым (Леонтьев, 2007; Леонтьев, Тараненко и Калашникова, 2017), использующим формулировку «жизненные смыслы». Расширяют исследуемую область смыслов: выбор человеком разнородных ценностей, становящихся затем неоптимальным смыслом жизни (Карпинский, 2017); смысложизненные ориентации личности, определяющие структуру и содержание концепции личности и формирующие далее смысложизненные стратегии личности, характеризующиеся личностным и профессиональным становлением в личной, семейной, профессиональной жизни (Кара

и Крутелёва, 2012; Кара и Касьянова, 2017; Сухарева и Филиппова, 2018); рассмотрение смыслообразующих стратегий – они выступают как способ формирования личностных смыслов и впоследствии выстраивают картину целостности личности, включающую в себя разные области (личную, семейную, профессиональную (Абакумова, Годунов и Пеньков, 2019), и т. д.). Несмотря на расхождения во взглядах, большинство авторов признают первостепенную роль личностных ценностей в организации жизни и деятельности человека – наличие у каждого человека потребности в ценностях, которые и направляют его поступки и управляют чувствами (Фромм, 2018; Франкл, 1990).

Отечественные и зарубежные исследователи (Утюганов, Яницкий и Серый, 2019; Алексеева, 1984; Ермак, 2016; Барадакова, 2017; Вольнец, 2017; Зубова и Кириенко, 2018; Калугин, 2017; Колесов, Смолонская и Смолонский, 2017; Лифшиц, 2019; Лобза, Конончук и Эгамбердиева, 2017; Бутакова и Вязигина, 2017; Damasio & Koller, 2015; Datu, 2016; Donina, Salikhova, Aryabkina, Chernova, & Kovardakova, 2019; Knyazeva et al., 2019; Litvinova & Kolomoichuk, 2016; Park & Baumeister, 2017; Sun, Fan, Sun, Jiang, & Wang, 2019; и др.) продолжают изучать ценности, входящие в структуру личности. Исследователи высказывают позицию о связи ценностей и потребностей, где потребность выступает инициатором формирования ценности, и, в то же время, на основе ценностей формируется потребность. Стремление человека к смыслу и поиск смысла жизни является одной из основных потребностей человека. В различных науках – психологии, философии, лингвистике, культурологии – убедительно отражен тот факт, что смыслы являются определяющими детерминантами регуляции деятельности личности, и смысл, личностный смысл, жизненные смыслы являются основной инстанцией, подчиняющей себе все другие жизненные проявления личности. Смыслы рассматриваются как субъективное отражение отношения индивида к миру, к объектам, ради которых он развивает свою деятельность. Смыслы выступают как базовая потребность человека. Наличие смысла определяет дальнейшее действие человека, в том числе на принятие или непринятие себя, на выстраивание взаимоотношений с людьми в разных социальных группах. Одним из значимых аспектов для человека является его ближайшее окружение, семья. Понимание смысла и ценности семьи на современном этапе развития общества указывает на сложность и неоднозначность этой темы. Наблюдаются изменения понимания семьи и ее ценности для человека в современном обществе. Сейчас существует много различных видов семьи и семейных отношений, что указывает на изменения в ценностно-смысловой сфере современного человека.

В качестве предположения в нашем исследовании выдвинута идея о том, что ценности и жизненные смыслы женщин и мужчин с изменением их статуса будут изменяться.

Методы

В исследовании использовались теоретические методы (сравнительный анализ идей и концепций, обобщение теоретических положений) и эмпирические методы (тестирование). В качестве диагностического инструментария были использованы: «Методика исследования системы жизненных смыслов» (Котляков, 2003); «Ценностный опросник Шварца» (Карандашев, 2004; Schwartz et al., 2012), «Опросник самоотношения» В. В. Столина и С. Р. Пантилеева (Глуханюк и Щипанова, 2013).

Методы математической обработки эмпирических данных включали описательную статистику (выявление основных характеристик распределения), U-критерий Манна – Уитни.

Выборка

В исследовании приняли участие 61 человек в возрасте 18–35 лет, которые были разделены на 2 группы. В группу 1 вошли 13 женщин и 18 мужчин, находящихся в браке, в группу 2 – 14 женщин и 16 мужчин, находящихся в поиске партнера.

Результаты и их обсуждение

В исследовании изучались жизненные смыслы, ценности молодых женщин и мужчин, находящихся в браке и находящихся в поиске партнера, на фоне изменений в обществе, социуме, технологиях, которые неизбежно отразятся на психологических особенностях человека. Применяя методику «Исследования системы жизненных смыслов» (В. Ю. Котляков) мы выявляли степень значимости жизненных смыслов у женщин и мужчин, находящихся в браке и находящихся в поиске партнера, методом описательной статистики. Важно отметить, что в группе лиц у женщин и мужчин, находящихся в поиске партнера, на доминирующих позициях находятся «экзистенциальные», «гедонистические», «самореализация», «семейные», «коммуникативные» жизненные смыслы: ценность жизни как таковой, желание получить от нее удовольствие, самореализовываться, а также выражена потребность в заботе о своей семье, в нахождении своего предназначения, в свободе выбора, в ценности жизни.

Отметим факт, что параметр «семейные смыслы» выражен по-разному у женщин и мужчин, как в группе находящихся в поиске партнера, так и в группе находящихся в браке. Для мужчин по всей выборке в обеих группах «семейные» смыслы одинаково высоко значимы. В то же время в группе женщин, находящихся в поиске партнера, семейные смыслы не имеют большого значения, а в группе женщин, находящихся в браке, они имеют первостепенное значение, и это указывает на существенные изменения, происходящие в жизни женщины. Наблюдается изменение значимости статусных смыслов у мужчин: т. е. для мужчин, находящихся в поиске партнера, «статусные» смыслы по значимости стоят на последнем месте, в то время как после вступления в брак значимость смысла параметра «статус» заметно возрастает, перемещаясь на третье место. Для женщин и мужчин, находящихся в браке, заметно снижается значимость смыслов «самореализация», однако «коммуникативные» смыслы, наоборот, приобретают более весомое значение.

Проверка значимости различий между двумя выборками – находящихся в поиске и находящихся в браке – показала статистически значимые отличия по шкале «самореализация» ($U_{\text{эмп}} = 287$ при $p \leq 0,01$): это указывает на то, что при смене социального статуса значимость собственных достижений сдвигается по шкале актуальности на более низкие позиции.

Далее мы изучили ценности данных групп с помощью методики «Ценностный опросник» (Ш. Шварц). Статистически значимые различия по U-критерию Манна – Уитни для данных групп обнаружены по таким шкалам, как «стимуляция» ($U_{\text{эмп}} = 310,5$ при $p = 0,025$) и «гедонизм» ($U_{\text{эмп}} = 253,5$ при $p = 0,02$). На качественном уровне состав значимых ценностей имеет следующую структуру: так, ценности стимуляции выступают как потребность в получении и переживании различных жизненных ситуаций, поддержание активности, насыщаемости деятельностью, получение новизны в разных областях деятельности; в то же время большое значение и влияние оказывает приобретенный социальный опыт, отражающийся на индивидуальных особенностях человека. Другой тип ценностей – гедонистические ценности – в основе содержат мотивационную цель, направленную на получение удовольствия от жизни, наслаждение разнообразием эмоций, ощущений, и это характерно для молодежи в современных реалиях общественной жизни.

Отметим для группы *находящихся в поиске партнера* такие выраженные ценности, как «достижения», «самостоятельность», «комфортность», проявляющиеся в достижении личных успехов, значимости на социальной лестнице, приобретении профессиональных компетенций. Демонстрация социальной компетентности (что и составляет содержание этой ценности) в условиях преобладающих культурных стандартов влечет за собой социальное одобрение. Так как это группа молодых людей, то им свойственны желание и стремление проявлять личную самостоятельность и принимать ответственность на себя, чувствовать себя полноценным человеком. На этот возрастной период приходится социальное становление человека и, как следствие, сдерживание и контролирование своих негативных эмоциональных проявлений, выработка самодисциплины, вежливого общения с людьми разных статусов и т. д.

Отметим для группы *находящихся в браке* такие выраженные ценности, как «безопасность», «достижения», «гедонизм», проявляющиеся в стабильности, гармонии во взаимоотношениях, в стремлении выстраивать свое окружение в более консервативных условиях для понимания и предположения возможных действий и реакций от своего окружения, что предполагает безопасность для себя лично и для собственной семьи, сохранение здоровья, ощущение принадлежности к определенному статусу в обществе. Личные достижения рассматриваются с ракурса имеющихся компетенций и положительной реакции со стороны общества, одобрения и принятия; принимаются культурно-национальные стандарты. Молодые люди, находящиеся в браке, понимают и оценивают удовольствие и наслаждение жизнью в ракурсе своего ближайшего окружения.

Далее мы изучили с помощью поиска корреляционных связей, какие взаимосвязи возможны в нашей выборке респондентов для общей картины понимания молодых людей. С помощью корреляционного анализа Спирмена мы выявили, что существует достоверная взаимосвязь между альтруистическими смыслами и такими ценностями, как конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, гедонизм, власть и безопасность. Выраженность альтруистических смыслов связана с проявлением таких ценностей, как комфортность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность. Чем ниже проявление альтруистических смыслов, тем сильнее будут выражены данные ценности. Наиболее достоверной является обратная связь средней тесноты между альтруистическими смыслами и традициями (при $p < 0,05$, $r = -0,51$), и умеренная обратная связь – альтруистические смыслы и доброта (при $p < 0,05$, $r = -0,42$). Также умеренная, обратная теснота связи просматривается между альтруистическими смыслами и комфортностью (при $p < 0,05$, $r = -0,34$), самостоятельностью (при $p < 0,05$, $r = -0,38$), универсализмом (при $p < 0,05$, $r = -0,30$).

Между экзистенциальными смыслами и добротой существует прямая, умеренная теснота связи при $p < 0,05$, $r = 0,41$. При увеличении одного признака будет более выражен и другой. Умеренная, прямая теснота связи просматривается между «гедонистическими смыслами» и такими ценностями, как «доброта» (при $p < 0,05$, $r = 0,31$) и «комфортность» (при $p < 0,05$, $r = 0,30$). Умеренную, обратную тесноту связи мы наблюдаем между смыслами «самореализация» и ценностями «самостоятельность» (при $p < 0,05$, $r = -0,30$), «власть» (при $p < 0,05$, $r = -0,35$). Между «коммуникативными смыслами» и «традициями» существует умеренная, прямая теснота связи (при $p < 0,05$, $r = 0,36$), между «семейными смыслами» и «комфортностью», «добротой», «безопасностью» существует обратная взаимозависимость. Наиболее выраженные связями являются «семейные смыслы» и «доброта» (при $p < 0,05$, $r = -0,55$),

«семейные смыслы» и «безопасность» (при $p < 0,05$, $r = -0,55$). В обоих случаях просматривается обратная, средняя теснота связи. Менее выражена обратная, умеренная связь между «семейными смыслами» и «комфортностью» (при $p < 0,05$, $r = -0,43$). Существует умеренная, обратная связь между «гедонизмом» и «когнитивными смыслами» (при $p < 0,05$, $r = -0,38$).

Как показывают приведенные результаты, в целом преобладание и усиление самостоятельности отодвигают на незначимую позицию заботу о других в ущерб себе (альтруизм) как следствие осмысленного понимания и контроля собственной жизни. Интересно отметить, что чем больше человек придерживается традиции, тем меньше бескорыстия и альтруизма в своих поступках и действиях он проявляет. Возможно, это связано с реалиями современного общества, с четкой задаваемой линией поведения, следованием и выполнением установленных правил и традиций. Свобода выбора, стремление к потребности испытывать и давать любовь, придание смысла самому процессу жизни и направленность на проявления гуманности, отзывчивости характеризуют современных молодых людей, задумывающихся о своей жизни. Молодые люди ориентированы на благополучие, на получение богатой палитры эмоций и ощущений, на стремление быть счастливым. Сохраняется значимость семейных отношений, напрямую связанная с желанием получения безопасности, ориентации на принятые обычаи, продолжение семейного наследия.

Заключение

Полученные результаты проведенного исследования показывают, что молодежь в современных условиях транзитивного общества выстраивает свою ориентацию на ценности и жизненные смыслы в соответствии с актуальностью существования. Все большее значение приобретают такие ценности и смыслы, как: «безопасность», «достижения», «гедонизм», «самостоятельность», «комфортность», «стимуляция», «самореализация», «экзистенциальные», «коммуникативные», «семейные». Это указывает на формирование иных личностных особенностей молодых людей. На более значимых позициях находятся ценности и жизненные смыслы, направленные на получение удовольствия от жизни, личностное и профессиональное развитие, поддержание культурных стандартов. В то же время, проблемы современного общества подводят молодых людей к другому пониманию и подходу в выстраивании собственной семейной и личной жизни.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением выборки и включения параметров информационного пространства.

Литература

- Абакумова, И. В., Годунов, М. В. и Пеньков, Д. В. (2019). Стратегии смыслообразования: переход от дуальности к триалектике. *Российский психологический журнал*, 16(1), 52–76. doi: [10.21702/rpj.2019.1.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.3)
- Алексеева, В. Г. (1984). Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности. *Психологический журнал*, 5(5), 63–71.
- Барадакова, Н. В. (2017). *Формирование представлений о ценностях частной жизни у студентов вуза* (кандидатская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.
- Бутакова, Л. О. и Вязигина, С. Ю. (2017). Ценностная составляющая языкового сознания американцев. *Вестник Волгоградского государственного университета*, 16(2), 99–108. doi: [10.15688/jvolsu2.2017.2.10](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.10)

- Волынец, К. В. (2017). Жизнетворчество как условие преодоления экзистенциальной фрустрации. *Мир педагогики и психологии*, 9(14). Доступ 05 апреля 2019, источник <http://scipress.ru/pedagogy/articles/zhiznetvorchestvo-kak-uslovie-preodoleniya-ekzistentsialnoj-frustratsii.html>
- Глуханюк, Н. С. и Щипанова, Д. Е. (2013). *Психодиагностика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования*. Москва: Академия.
- Ермак, В. В. (2016). *Ценностные и смысловые особенности личности участников групповой психологической коррекции* (кандидатская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.
- Зубова, Л. В. и Кириенко, А. А. (2018). К вопросу о взаимосвязи смысложизненных ориентаций и агрессивности подростков. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2(214), 70–76.
- Калугин, А. Ю. (2017). *Варианты смысла жизни: эмпирические свидетельства*. В А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова (ред.), *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* (с. 714–720). Москва: Институт психологии РАН.
- Кара, Ж. Ю. и Касьянова, Д. В. (2017). Об особенностях трансформации ценностных и жизненных стратегий женщин в период молодости и зрелости. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 8–9, 49–53.
- Кара, Ж. Ю. и Крутелёва, Л. Ю. (2012). О соотношении понятий: смысложизненные ориентации, смысложизненные стратегии и смысложизненная концепция личности. *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*, 3, 111–116.
- Карандашев, В. Н. (2004). *Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство*. Санкт-Петербург: Речь.
- Карпинский, К. В. (2017). *Смысложизненный кризис личности: феноменология, механизмы, закономерности* (кандидатская диссертация). Москва.
- Колесов, В. И., Смолонская, А. Н. и Смолонский, С. И. (2017). Смысл духовного отчуждения человека и его сущность в современном обществе. *Мир психологии*, 3(91), 113–122.
- Котляков, В. Ю. (2003). Методика исследования системы жизненных смыслов. *Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов* (Вып. 2, с. 18–21). Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Леонтьев, А. Н. (1971). *Потребности, мотивы и эмоции*. Москва: Издательство Московского университета.
- Леонтьев, Д. А. (2007). *Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности* (3-е изд., доп.). Москва: Смысл.
- Леонтьев, Д. А., Тараненко, О. А. и Калашникова, О. Э. (2017). Специфика осмысленности жизни у различных групп кризисных пациентов. *Мир психологии*, 3(91), 190–201.
- Лифшиц, М. В. (2019). Ценностно-смысловые основания психологического благополучия личности. *Научное мнение*, 9, 36–41. doi: [10.25807/PVN.22224378.2019.9.36.41](https://doi.org/10.25807/PVN.22224378.2019.9.36.41)
- Лобза, О. В., Конончук, И. В. и Эгамбердиева, Е. В. (2017). Ценностные и смысложизненные ориентации современных российских студентов. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 11–2, 300–304.
- Рубинштейн, С. Л. (2019). *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург: Питер.
- Сухарева, Н. Ф. и Филиппова, Н. Ю. (2018). Диагностика смысложизненных ориентаций юношей и девушек. *Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии*, 1, 141–147.
- Узнадзе, Д. Н. (1961). *Экспериментальные основы психологии установки*. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР.

- Утюганов, А. А., Яницкий, М. С. и Серый, А. В. (2019). Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике. *Science for Education Today*, 9(1), 76–92. doi: [10.15293/2658-6762.1901.05](https://doi.org/10.15293/2658-6762.1901.05)
- Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс.
- Фромм, Э. (2018). *Человек для себя*. Москва: АСТ.
- Damasio, B. F., & Koller, S. H. (2015). Complex experiences of meaning in life: Individual differences among sociodemographic variables, sources of meaning and psychological functioning. *Social Indicators Research*, 123(1), 161–181. doi: [10.1007/s11205-014-0726-3](https://doi.org/10.1007/s11205-014-0726-3)
- Datu, J. A. D. (2016). The synergistic interplay between positive emotions and maximization enhances meaning in life: A study in a collectivist context. *Current Psychology*, 35, 459–466. doi: [10.1007/s12144-015-9314-1](https://doi.org/10.1007/s12144-015-9314-1)
- Donina, O., Salikhova, A., Aryabkina, I., Chernova, Y., & Kovardakova, M. (2019). Value-semantic filling of the family concept and value orientations of Russian modern young people family life. *Amazonia Investiga*, 8(22), 58–68. Retrieved from: <https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/28>
- Knyazeva, T. N., Semenova, L. E., Chevachina, A. V., Batuta, M. B., Sidorina, E. V., Vasilyeva, E. N., & Petyukova, O. N. (2019). Perception of the family as a factor of emotional well-being of adolescents. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 8(3), 349–355.
- Litvinova, O., & Kolomoichuk, D. (2016). Psychological peculiarities of behaviour strategies in intergenerational family conflicts. *Science and Education*, 2–3, 138–144. doi: 10.24195/2414-4665-2016-2-3-25
- Park, J., & Baumeister, R. F. (2017). Meaning in life and adjustment to daily stressors. *The Journal of Positive Psychology*, 12(4), 333–341. doi: [10.1080/17439760.2016.1209542](https://doi.org/10.1080/17439760.2016.1209542)
- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., ... Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103(4), 663–688. doi: [10.1037/a0029393](https://doi.org/10.1037/a0029393)
- Sun, P., Fan, X., Sun, Y., Jiang, H., & Wang, L. (2019). Relations between dual filial piety and life satisfaction: The mediating roles of individuating autonomy and relating autonomy. *Frontiers in Psychology*, 10, 2549. doi: [10.3389/fpsyg.2019.02549](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02549)

Конфликт интересов отсутствует

Содержание приоритетных ценностей у военных и гражданских пенсионеров с разными уровнями самоактуализации

Ольга А. Лаврова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

E-mail: lavloa@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7341-3653>

Аннотация

Введение. В статье отмечен исследовательский интерес к проблематике личностных ценностей применительно к поздним периодам онтогенеза личности. В контексте субъектного подхода автором теоретически обосновывается рассмотрение самоактуализации пенсионера как одного из критериев его адаптационной готовности к новым условиям жизнедеятельности в связи с изменением социального статуса. В работе представлен эмпирический анализ ценностно-смысловых характеристик военных пенсионеров, и проверяется гипотеза об их специфике с учетом уровня самоактуализации пенсионеров.

Методы. В процессе исследования были использованы методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности и краткая шкала измерения самоактуализации. Объем выборки составил 130 человек. Выборка была разделена на основную (65 человек – военные пенсионеры) и контрольную (65 человек – гражданские пенсионеры).

Результаты и их обсуждение. Специфика ценностно-смысловой сферы военных пенсионеров была выявлена и описана в статье на основе сравнения с характеристиками ценностно-смысловой сферы гражданских пенсионеров. В качестве ценностных приоритетов военных пенсионеров эмпирически зафиксированы конформность, традиции и безопасность. В группе гражданских пенсионеров была зафиксирована большая дифференциация индивидуальных ценностных выборов респондентов. По таким ценностным выборам, как власть, достижение, стимуляция, универсализм, доброта, традиции, конформность, были зафиксированы статистически достоверные различия между респондентами в основной и контрольной выборках. Самостоятельность выступает в качестве ценностного приоритета и военных, и гражданских пенсионеров с высоким уровнем самоактуализации. У пенсионеров с низким уровнем самоактуализации ценностными приоритетами выступают власть и стимуляция.

Ключевые слова

ценности, ценностно-смысловая сфера, ценностные приоритеты, пенсионный возраст, военные пенсионеры, гражданские пенсионеры, адаптация, адаптационная готовность, самоактуализация, уровни самоактуализации

Основные положения

► в качестве специфических ценностных приоритетов военных пенсионеров диагностированы конформность, традиции и безопасность;

► самостоятельность мышления и выборов способов деятельности, способность к самоконтролю и самоуправлению диагностированы как ценностные приоритеты у пенсионеров с высоким уровнем самоактуализации, независимо от их пенсионного статуса;

► в ценностной структуре пенсионеров с низким уровнем самоактуализации доминируют ценности, реализация которых может быть ограничена в данный возрастной период: стремление к достижению высокого социального статуса, доминирование, стремление к новизне и глубоким переживаниям.

Для цитирования

Лаврова, О. А. (2019). Содержание приоритетных ценностей у военных и гражданских пенсионеров с разными уровнями самоактуализации. *Российский психологический журнал*, 16(4), 42–55. doi: 10.21702/rpj.2019.4.4

Дата получения рукописи: 08.10.2019

Дата окончания рецензирования: 19.01.2020

Дата принятия к публикации: 23.01.2020

Введение

Понятие «ценности» чрезвычайно многообразно и многоуровнево. В зарубежной психологии проблема ценностно-смысловой сферы личности освещена в работах А. Маслоу, Дж. Г. Мида, Г. Олпорта, К. Роджерса, М. Рокича, М. Розенберга, М. Смита, В. Франкла, Э. Фромма, Л. Фестингера, Э. Фэриса, Ф. Хайдера, Э. Шпрангера и др. В отечественной психологии те или иные аспекты проблематики ценностей отражены в работах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Д. А. Леонтьева, М. И. Бобневой, Л. И. Божович, В. В. Водзинской, О. И. Зотовой, В. С. Мухиной и др.

Личностные ценности лежат в основе порождения жизненных смыслов (В. А. Ядов, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, А. Г. Асмолов и др.). Ценностно-смысловая регуляция выступает системообразующим фактором, обуславливает личностную самореализацию либо, наоборот, неудовлетворенность процессом и результатами деятельности, утрату жизненных ориентиров, моральные и эмоциональные потери (В. С. Мерлин, С. Л. Рубинштейн). Динамика ценностей отражает изменения смысла жизни личности, происходящие в процессе ее жизненного пути. Изменения жизненных обстоятельств неизбежно влекут за собой переоценку жизненных ценностей, трансформацию и видоизменение смыслов жизни.

Периодом существенных изменений условий существования личности является пожилой возраст. Большинство исследователей позднего периода возрастного развития личности (Э. Эриксон, Б. Г. Ананьев, В. Франкл и др.) связывают его, прежде всего, с переоценкой ценностей и смысла прожитой жизни. Очевиден исследовательский интерес к проблематике ценностно-смысловых характеристик личности в пожилом возрасте (Анцыферова, 2006; Елишев, 2010; Ермолаева, 2002; Ковалева, н. д.; Куруленко, н. д.; Леонтьев, 1996; Мандель, 2015; Сахарова, Уманская и Цветкова, 2016; Соколова и Берецкая, 2017; Стюарт-Гамильтон, 2010; Халина, 2009; Bilsky & Schwartz, 1994; Jones, Peskin, Wandeler, & Woods, 2019; Kleineidam et al., 2019; Juang et al., 2018; Löckenhoff & Rutt, 2017; Borg, Hertel, & Hermann, 2017).

Ценностные ориентации, наряду с другими составляющими духовного мира людей, такими, как установки, идеалы и др., рассматриваются современными исследователями как компоненты личностных ресурсов адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности (Вызулина

и Ясько, 2015; Халфина, 2018; Nikitin & Freund, 2019; Jones et al., 2019; Teshale & Lachman, 2016; Stawski et al., 2019).

Ресурс адаптации определяется как качество (-а) субъекта, позволяющее (-ие) ему достигать желаемых результатов посредством актуализации своих потенциальных возможностей. Ценности, как устойчивые личностные образования, определяют и содержание целей адаптации и средства ее достижения. В связи с выходом на пенсию индивид оказывается в новых условиях жизнедеятельности, к которым ему необходимо адаптироваться, в которых важно найти новые смыслы и выработать новые модели поведения, адекватные изменившимся условиям.

В настоящее время появляются новые понятия, раскрывающие пока неизученные аспекты сложного и многопланового феномена психологической адаптации. Одним из таких понятий выступает адаптационная готовность личности – личностное метаобразование, обеспечивающее ее готовность к эффективному взаимодействию с различными динамично изменяющимися средами (социальными, образовательными, профессиональными и др.) в динамичной системе «личность – среда», ее жизне- и конкурентоспособность в современных динамично изменяющихся условиях. Адаптационная готовность трактуется как проявление субъектом своих потенциальных возможностей в процессе испытываемых социальных воздействий (Арендачук, 2013; Григорьева, 2014; Хмелькова, 2017; Шамионов, 2015). Представляется важным понимание личностно-психологических детерминант, определяющих формирование адаптационной готовности пенсионеров к эффективному взаимодействию с изменившейся средой.

В контексте проблематики адаптационной готовности совокупность личностных качеств, обеспечивающих успешность адаптации в различных ситуациях, рассматривается как личностное новообразование, где ценностно-смысловая сфера личности выступает элементом ее структуры (Арендачук, 2013; Хмелькова, 2017; Шамионов, 2015). Исследование личностно-психологических детерминант адаптационной готовности личности в посттрудовой период жизни имеет перспективу, будучи основанным на сложившихся в психологии традициях субъектной парадигмы (Рубинштейн, 2003). Если поздний период жизни, пенсионный возраст рассматривать как период существенных изменений, то пожилой человек, пенсионер выступает в качестве субъекта изменений условий своего бытия. Субъектность личности выступает в качестве уровневого показателя (Рубинштейн, 2003). Это позволяет использовать ее ключевые характеристики, такие как активность, самоопределение, самодетерминация, самоактуализация, саморазвитие, самосовершенствование, для оценки уровня адаптационной готовности личности в ситуациях изменений. В контексте нашего исследования в качестве одного из критериев адаптационной готовности человека пожилого возраста мы рассматриваем уровень его самоактуализации.

Цель исследования

Целью представленного фрагмента эмпирического исследования является проверка гипотезы о специфике характеристик ценностно-смысловой сферы военных пенсионеров с разными уровнями самоактуализации, выступающей в качестве одного из критериев адаптационной готовности к новой жизненной ситуации, связанной с изменением социального статуса.

Методологическая и теоретическая база исследования

Методологической основой исследования послужили общефилософские принципы единства и взаимосвязи явлений материального и духовного мира, взаимозависимости человека, деятельности, общества; принципы активности, развития, детерминизма, рассматриваемого как зависимость психических явлений от порождающих их факторов.

Теоретическую основу исследования составили отдельные положения: теории деятельности (А. Н. Леонтьев); концепций субъектного (К. А. Абульханова-Славская, А. А. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн и др.); субъектно-деятельностного (Е. А. Климов, О. Г. Носкова, Б. А. Ясько и др.); субъектно-бытийного (В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко и др.) подходов в психологии личности; психологических теорий адаптации (Ю. А. Александровский, Б. Г. Ананьев, Г. А. Балл, Ф. Б. Березин, Б. Г. Бушурова, И. И. Мамайчук, Ю. Л. Неймер, А. В. Петровский, А. А. Реан, С. И. Степанова, М. Г. Ярошевский и др.); концепции адаптационной готовности личности (М. В. Григорьева, Р. М. Шамионов, И. В. Арндачук, А. Р. Вагапова, Л. Е. Тарасова, Е. Е. Бочарова, О. В. Хмелькова и др.); психологии позднего этапа онтогенеза личности (Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, А. А. Реан, Е. Е. Сапогова, Г. С. Никифоров, Н. Е. Водопьянова, О. О. Гофман, М. В. Ермолаева, О. В. Краснова, Н. С. Пряжников и др.); основные подходы и концепции теорий ценностно-смысловых образований как психологического «ядра» личности (С. Л. Рубинштейн, Д. А. Леонтьев, А. Маслоу, В. Франкл и др.).

Методы

В ходе исследования была сформирована выборка, в которую вошли 130 респондентов пенсионного возраста, проживающих на территории Краснодарского края и Республики Крым. Совокупная выборка была разделена на основную и контрольную. В основную выборку ($N_{\text{осн.}}$) были включены 65 военных пенсионеров. В контрольную выборку ($N_{\text{контр.}}$), сформированную для сравнения исследуемых личностных характеристик, вошли 65 гражданских пенсионеров.

Гендерные показатели основной выборки представлены соотношением долей: мужчины – 89,2 % (58 человек), женщины – 10,8 % (7 человек). В контрольной выборке: мужчины – 86,2 % (56 человек), женщины – 13,8 % (9 человек).

Средний возраст респондентов в основной выборке составляет $62,09 \pm 10,4$ года, в контрольной выборке – $61,11 \pm 9,2$ год.

Среди военных пенсионеров в настоящее время работают 40 % респондентов (26 человек). Доля неработающих военных пенсионеров составляет 60 % (39 человек). В гражданской выборке доля работающих пенсионеров составляет 27,7 % (18 человек), неработающих пенсионеров – 72,3 % (47 человек).

Первичные описательные характеристики статистики основной и контрольной выборок по возрасту представлены в таблице 1.

Для достижения цели исследования были использованы следующие диагностические инструменты:

Методика Ш. Шварца для изучения доминирующих ценностей личности. Ш. Шварц исходил из того, что наиболее существенным содержательным аспектом, лежащим в основе различий между ценностями, выступает тип мотивационных целей, которые они выражают. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в типы ценностей в соответствии с общностью их целей. В результате были описаны десять базовых мотивационно отличающихся типов, соответственно их центральной цели (Карандашев, 2004; Schwartz, 1992).

Таблица 1

Первичные описательные характеристики статистики основной и контрольной выборок по возрасту

<u>Характеристики статистики</u>	<u>Основная выборка</u>	<u>Контрольная выборка</u>
$M(\bar{x})$	62,09	61,11
σ	10,4	9,2
M_0	70	70
M_e	62,5	61,2
A_s	-0,41	-0,33
E_x	-0,22	-0,25

Для каждого испытуемого, в соответствии с авторской методикой, рассчитывался средний балл по двум ее частям («Обзор ценностей» и «Профиль личности»). В соответствии со средним баллом по каждому типу ценностей устанавливалось их рейтинговое соотношение. Каждому типу ценностей присваивался ранг от 1 до 10. Минимальный ранг (10) получали те ценности, которые набрали наиболее высокий средний балл. Максимальный ранг (1), соответственно, – те ценности, по которым был получен самый низкий средний балл. В соответствии с авторской интерпретацией, те ценности, которые получили наиболее высокие ранги (от 1 до 3), имеют наиболее высокую значимость для испытуемого. Ценности, имеющие ранги от 7 до 10, минимально значимы для испытуемого (Карандашев, 2004).

Уровни самоактуализации респондентов диагностировались с помощью *краткой шкалы измерения самоактуализации* (Хьелл и Зиглер, 2003; Jones & Crandall, 1986). Шкала состоит из 15-ти утверждений. Авторами опросника была подтверждена положительная корреляция полученного в ходе применения Краткой шкалы индекса самоактуализации со всеми значениями «Опросника личной ориентации» (Personal Orientation Inventory, POI), разработанного для оценки различных характеристик самоактуализации в соответствии с концепцией А. Маслоу. Шкала позволяет дифференцировать уровень самоактуализации респондентов как высокий, средний или низкий.

Статистический анализ полученных эмпирических данных проводился с применением компьютерной статистической программы IBM SPSS Statistics 25.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования была проведена диагностика индивидуальных ценностей респондентов в основной и контрольной выборках с применением опросника Ш. Шварца (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

Описательные характеристики основной выборки (ценностно-смысловые характеристики по методике Ш. Шварца)

Ценности	$M(\bar{x})$	σ	E_x	A_s
Власть	5,41	3,24	0,10	-2,26
Достижение	7,61	2,9	-0,63	-0,8
Гедонизм	7,73	2,07	-1,17	1,97
Стимуляция	6,13	3,4	0,37	1,13
Самостоятельность	6,10	3,92	-0,56	-2,08
Универсализм	6,03	3,13	0,09	-1,34
Доброта	6,51	4,01	-0,16	2,34
Традиции	3,87	3,3	-0,83	0,63
Конформность	2,67	2,6	-0,29	2,06
Безопасность	4,06	2,65	0,25	-1,38

Таблица 3

Описательные характеристики контрольной выборки (ценностно-смысловые характеристики по методике Ш. Шварца)

Ценности	$M(\bar{x})$	σ	E_x	A_s
Власть	6,83	2,33	0,21	-2,44
Достижение	6,26	3,01	-0,67	0,92
Гедонизм	7,01	3,76	-1,43	2,16
Стимуляция	5,27	2,07	-1,65	1,55
Самостоятельность	6,48	3,01	0,39	-1,93
Универсализм	4,63	3,88	0,99	-1,72
Доброта	4,22	2,5	0,49	-2,84
Традиции	5,99	4,12	-0,95	-0,87
Конформность	5,43	3,75	-0,39	2,33
Безопасность	5,19	2,98	0,65	-1,19

Для каждой выборки с учетом среднеранговых значений был определен рейтинг ценностей, и проведено их сравнение (данные представлены в таблице 4).

Таблица 4

Рейтинг ценностей респондентов в основной и контрольной выборках

Ценности	Военные пенсионеры		Гражданские пенсионеры		$t_{эмп.}$	Достоверность различий
	М (\bar{x})	Рейтинг (ранг)	М (\bar{x})	Рейтинг (ранг)		
Власть	5,41	4	6,83	9	3,99	$p \leq 0,01$
Достижение	7,61	9	6,26	7	3,06	$p \leq 0,01$
Гедонизм	7,73	10	7,01	10	0,65	недостоверны
Стимуляция	6,13	7	5,27	4	3,13	$p \leq 0,01$
Самостоятельность	6,10	6	6,48	8	0,99	недостоверны
Универсализм	6,03	5	4,63	2	2,97	$p \leq 0,01$
Доброта	6,51	8	4,22	1	3,06	$p \leq 0,01$
Традиции	3,87	2	5,99	6	2,54	$p \leq 0,05$
Конформность	2,67	1	5,43	5	2,29	$p \leq 0,05$
Безопасность	4,06	3	5,19	3	1,33	недостоверны

Разброс среднеранговых значений в группе военных пенсионеров от 7,73 до 2,67.

Высокую значимость для испытуемых – военных пенсионеров (1–3 значения в рейтинге) имеют следующие ценности:

1. *Конформность (Conformity)*. Определяющая мотивационная цель этого типа – сдерживание и предотвращение действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Данная ценность является производной от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия (послушание, самодисциплина) (Карандашев, 2004).
2. *Традиции (Tradition)*. Любые социальные группы вырабатывают свои символы и ритуалы, которые закрепляются в традициях и обычаях. Традиционный способ поведения становится символом групповой солидарности, выражением единых ценностей. Традиции реализуются через принятие и следование определенным нормам поведения. Мотивационная цель данной ценности – уважение, принятие обычаев, уважение традиций и следование им (Карандашев, 2004).
3. *Безопасность (Security)*. Мотивационная цель этого типа – безопасность для других людей и себя, стабильность общества и взаимоотношений. По мнению Ш. Шварца, существует один обобщенный тип ценности «безопасность» – ценности, относящиеся к коллективной безопасности, в значительной степени выражают цель безопасности и для личности (социальный порядок, безопасность семьи, национальная безопасность, чувство принадлежности, здоровье) (Карандашев, 2004).

Наименьшая значимость (7–10 значения в рейтинге) диагностирована для таких ценностей, как стимуляция, доброта, достижение, гедонизм.

В контрольной выборке отмечен меньший разброс среднеранговых значений диагностируемых ценностей – от 6,99 до 4,22. Это позволяет предположить большую дифференциацию индивидуальных ценностных выборов среди гражданских пенсионеров.

Высокую значимость для респондентов в контрольной выборке (1–3 строки в рейтинге) имеют такие ценности, как:

1. *Доброта (Benevolence)*. Это более узкий «просоциальный» тип ценностей, сфокусированный на благополучии в повседневном взаимодействии с близкими людьми. Этот тип ценностей считается производным от потребности в позитивном взаимодействии, потребности в аффилиации. Его мотивационная цель – сохранение благополучия людей, с которыми индивид находится в личных контактах (полезность, снисходительность, честность, ответственность, дружба, зрелая любовь) (Карандашев, 2004).
2. *Универсализм (Universalism)*. Мотивационная цель данного типа ценностей – понимание, терпимость, защита благополучия. Мотивационные цели универсализма производны от тех потребностей выживания групп и индивидов, которые становятся явно необходимыми при вступлении людей в контакт с кем-либо вне своей среды или при расширении первичной группы (Карандашев, 2004).
3. *Безопасность (Security)*.

Наименьшую значимость для респондентов в контрольной выборке (7–10 в рейтинге ценностей) имеют такие ценности, как достижение, самостоятельность, власть и гедонизм (Карандашев, 2004).

Было проведено сравнение двух выборок по каждой из диагностируемых ценностей на предмет достоверности различий с применением статистического t-критерия Стьюдента. Статистическая достоверность различий между сравниваемыми выборками подтверждена по таким ценностям, как власть, достижение, стимуляция, универсализм, доброта, традиции, конформность. Более высокие рейтинги и, соответственно, более высокую значимость в группе военных пенсионеров (по сравнению с гражданскими) имеют такие ценности, как власть ($p \leq 0,01$), традиции ($p \leq 0,05$). По таким ценностям, как достижение, стимуляция, универсализм и доброта, более высокие рейтинги зафиксированы в контрольной выборке, что говорит об их большей значимости для гражданских пенсионеров, по сравнению с военными.

Результаты диагностики с применением краткой шкалы самоактуализации позволили отметить в обеих выборках представленность испытуемых с разными уровнями самоактуализации. В основной выборке среди военных пенсионеров высокий уровень отмечен у 18,4 % респондентов (12 человек). Средний уровень самоактуализации диагностирован у 50,8 % респондентов (33 человека), низкий уровень самоактуализации отмечен у 30,8 % респондентов (20 человек). В контрольной выборке высокий уровень самоактуализации имеют 16,9 % гражданских пенсионеров (11 человек). Средний уровень самоактуализации зафиксирован у 44,6 % респондентов (29 человек). Низкий уровень диагностирован у 38,5 % испытуемых (25 человек).

Проведенная с применением методов параметрической статистики (критерия углового преобразования Фишера, ϕ^*) проверка не выявила достоверных различий между выборками по данному показателю. Распределение респондентов в основной и контрольной выборках по уровням самоактуализации не имеет выраженной специфики, связанной с особенностями их пенсионного статуса.

Было проведено сравнение ценностных приоритетов у респондентов с разными уровнями самоактуализации в обеих выборках. В группе военных пенсионеров с высоким уровнем самоактуализации наиболее значимой ценностью выступает самостоятельность ($M(\bar{x}) = 2,07$). Для респондентов с низким уровнем самоактуализации максимальные рейтинги имеют такие ценности, как власть ($M(\bar{x}) = 4,12$) и стимуляция ($M(\bar{x}) = 4,65$). Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5
Ценностные приоритеты военных пенсионеров с высоким и низким уровнями самоактуализации

Ценности	Среднеранговые значения $M(\bar{x})$ ценностей в группах военных пенсионеров с высоким и низким уровнями самоактуализации (СА)		Сравнение военных пенсионеров с высоким и низким уровнями самоактуализации по диагностируемым ценностям	
	Высокая СА	Низкая СА	$t_{\text{эмп.}}$	Достоверность
Власть	6,99	4,12	3,17	$p \leq 0,01$
Достижение	8,20	6,13	3,33	$p \leq 0,01$
Гедонизм	5,70	8,16	1,04	недостовверны
Стимуляция	6,31	4,65	3,65	$p \leq 0,01$
Самостоятельность	2,07	7,19	3,09	$p \leq 0,01$
Универсализм	5,44	7,73	0,33	недостовверны
Доброта	4,53	7,99	0,79	недостовверны
Традиции	3,52	5,08	2,09	$p \leq 0,05$
Конформность	3,16	6,03	0,99	недостовверны
Безопасность	4,12	7,7	0,33	недостовверны

Статистическая достоверность различий между сравниваемыми группами подтверждена по таким ценностям, как власть, достижение, стимуляция. Данные ценности являются более значимыми для респондентов с низким уровнем самоактуализации. Также подтверждена статистическая достоверность различий между сравниваемыми группами по таким ценностям, как самостоятельность и традиции, которые, наоборот, являются более значимыми для респондентов с высоким уровнем самоактуализации.

В качестве ценностных приоритетов для гражданских респондентов с высоким уровнем самоактуализации выступают самостоятельность ($M(\bar{x}) = 3,0$) и доброта ($M(\bar{x}) = 4,12$). Для группы гражданских пенсионеров с низким уровнем самоактуализации в качестве ценностных приоритетов выступают достижение ($M(\bar{x}) = 3,01$), власть ($M(\bar{x}) = 4,27$) и стимуляция ($M(\bar{x}) = 4,35$). Данные представлены в таблице 6.

Таблица 6

Ценностные приоритеты гражданских пенсионеров с высоким и низким уровнями самоактуализации

Ценности	Среднеранговые значения $M(\bar{x})$ ценностей в группах гражданских пенсионеров с высоким и низким уровнями самоактуализации (СА)		Сравнение гражданских пенсионеров с высоким и низким уровнями самоактуализации по диагностируемым ценностям	
	Высокая СА	Низкая СА	$t_{\text{эмп.}}$	Достоверность
Власть	8,14	4,27	3,75	$p \leq 0,01$
Достижение	8,01	3,01	3,76	$p \leq 0,01$
Гедонизм	6,99	7,98	0,97	недостоверны
Стимуляция	6,42	4,35	2,71	$p \leq 0,05$
Самостоятельность	3,0	7,98	3,42	$p \leq 0,01$
Универсализм	4,39	5,07	1,55	недостоверны
Доброта	4,12	5,43	2,68	$p \leq 0,05$
Традиции	5,9	7,54	1,12	недостоверны
Конформность	6,01	5,22	1,99	недостоверны
Безопасность	5,44	6,38	1,63	недостоверны

Проведенное статистическое сравнение между группами с высоким и низким уровнями самоактуализации выявило достоверность различий по таким ценностям, как власть, достижение, стимуляция, которые являются доминирующими в группе респондентов с низким уровнем самоактуализации. Также значимые различия между группами отмечены по таким ценностным приоритетам, как доброта и самостоятельность, которые имеют большую выраженность в группе гражданских респондентов с высоким уровнем самоактуализации.

Проведенный анализ и сравнения выявили сходство военных и гражданских пенсионеров с высоким уровнем самоактуализации по такому ценностному приоритету, как самостоятельность. Ценностными приоритетами и военных и гражданских респондентов с низким уровнем самоактуализации выступают власть и стимуляция. Данный вывод подтвержден статистическим сравнением ценностных рядов у военных и гражданских респондентов с одинаковым уровнем самоактуализации (табл. 7). Достоверные различия между сравниваемыми группами отмечены только по отдельным диагностируемым ценностям. В группе с высоким уровнем самоактуализации это доброта и универсализм, которые имеют более высокий уровень значимости у гражданских пенсионеров. В группе с низким уровнем самоактуализации это самостоятельность и традиции, которые являются более значимыми ценностями для военных пенсионеров.

Таблица 7

Результаты статистического сравнения военных и гражданских пенсионеров с разными уровнями самоактуализации по диагностируемым ценностям

Ценности	Сравнение военных и гражданских пенсионеров с высоким уровнем самоактуализации по диагностируемым ценностям		Сравнение военных и гражданских пенсионеров с низким уровнем самоактуализации по диагностируемым ценностям	
	t _{эмп.}	Достоверность	t _{эмп.}	Достоверность
Власть	1,23	недостоверны	0,12	недостоверны
Достижение	1,12	недостоверны	0,74	недостоверны
Гедонизм	0,23	недостоверны	1,56	недостоверны
Стимуляция	0,67	недостоверны	0,33	недостоверны
Самостоятельность	0,99	недостоверны	2,07	p ≤ 0,05
Универсализм	2,42	p ≤ 0,05	1,42	недостоверны
Доброта	3,04	p ≤ 0,01	1,29	недостоверны
Традиции	1,23	недостоверны	2,16	p ≤ 0,05
Конформность	1,98	недостоверны	1,23	недостоверны
Безопасность	0,33	недостоверны	1,96	недостоверны

Выводы

Проведенный теоретический анализ позволил обосновать изучение характеристик ценностно-смысловой сферы пенсионера как компонентов структуры его адаптационной готовности к значительным жизненным изменениям в данный период жизни. В контексте субъектного подхода также обосновано рассмотрение уровня самоактуализации пенсионера как одного из критериев его адаптационной готовности к изменениям в социальном статусе.

Проведенный анализ эмпирических данных дает основание говорить об определенной специфике ценностных приоритетов военных пенсионеров, которая может быть обусловлена особенностями их предшествующего жизненного и профессионального опыта, по сравнению с гражданскими пенсионерами. Определенное сходство жизненных и профессиональных условий в период прохождения военной службы определяет большую однородность военных пенсионеров как социальной группы, по сравнению с гражданскими пенсионерами, и формирует ее более отчетливые ценностные приоритеты. Таковыми, по данным нашего исследования, выступают конформность, традиции и безопасность.

Отмечено, что ценностно-смысловыми приоритетами пенсионеров с высоким уровнем самоактуализации, независимо от статуса, выступают самостоятельность мышления и выбора способов действия, способность к самоконтролю и самоуправлению.

Стремление к достижению высокого социального статуса или престижа, контролю или доминированию, стремление к новизне и глубоким переживаниям выступают ценностно-смысловыми приоритетами как у военных, так и у гражданских пенсионеров с низким уровнем самоактуализации. Очевидно, это связано с ограниченными возможностями фактической реализации данных ценностных приоритетов в пенсионный период.

Основной областью практического приложения полученных в ходе исследования результатов может стать их применение в программах психологического сопровождения военнослужащих, с целью формирования их адаптационной готовности к изменившимся условиям жизни при выходе на пенсию. Выделенные в рамках исследования ценностно-смысловые компоненты адаптационной готовности могут служить ориентирами в психологической работе с военнослужащими.

Несомненно, представленные результаты можно рассматривать в качестве промежуточных, а их интерпретация обуславливает постановку вопросов для следующего этапа исследования. В частности, целесообразно на большем объеме эмпирической выборки проанализировать особенности ценностно-смысловой сферы пенсионеров с учетом их гендерных и возрастных характеристик, особенностей предшествующего выходу на пенсию профессионального опыта, а также ряда особенностей актуального статуса пенсионеров, и обосновать их роль в формировании адаптационной готовности.

Литература

- Анцыферова, Л. И. (2006). *Развитие личности и проблемы геронтопсихологии*: монография (2-е изд., испр. и доп.). Москва: Институт психологии РАН.
- Арендачук, И. В. (2013). Адаптационная готовность личности к учебно-профессиональной деятельности: системно-диахронический подход. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 10(30). doi: [10.12731/2218-7405-2013-10-27](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-10-27)
- Вызулина, К. С. и Ясько, Б. А. (2015). Личностные детерминанты социально-психологической адаптации личности: теоретико-методологические основы исследования. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*, 1(157). Доступ 15 Ноября 2019, источник <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-sotsialno-psihiologicheskoy-adaptatsii-lichnosti-teoretiko-metodologicheskie-osnovy-issledovaniya>
- Григорьева, М. В. (2014). Понятийный аппарат психологии адаптации личности. *Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 3(3), 259–262.
- Елишев, С. О. (2010). Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации». *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 3, 74–90.
- Ермолаева, М. (2002). *Практическая психология старости*. Москва: ЭКСМО-Пресс.
- Карандашев, В. Н. (2004). *Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство*. Санкт-Петербург: Речь.
- Ковалева, Н. Г. (н. д.). Дифференцированный подход к изучению потребностей и ценностных ориентаций пожилых. *Сборник статей по социальной геронтологии*. Доступ 21 Октября 2019, источник https://lib.uni-dubna.ru/search/files/sr_sbornic/~sr_sbornic.htm#5
- Куруленко, Э. А. (н. д.). Ценности женщин третьего возраста. *Сборник статей по социальной*

геронтологии. Доступ 21 Октября 2019, источник https://lib.uni-dubna.ru/search/files/sr_sbornic/~sr_sbornic.htm#5

- Леонтьев, Д. А. (1996). От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 4, 35–44.
- Мандель, Б. Р. (2015). *Психология развития: Полный курс (иллюстрированное учебное пособие для студентов всех уровней обучения в высших учебных заведениях)*. Москва; Берлин: Директ-Медиа.
- Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер.
- Сахарова, Т. Н., Уманская, Е. Г. и Цветкова, Н. А. (2016). *Геронтопсихология. Учебник*. Москва: Изд-во Московского педагогического государственного университета.
- Соколова, В. Ф. и Берецкая, Е. А. (2017). *Теория и практика реабилитации граждан пожилого возраста*. Москва: Флинта.
- Стюарт-Гамильтон, Я. (2010). *Психология старения*. Санкт-Петербург: Питер.
- Халина, Н. В. (2009). Ценностные ориентации людей пожилого возраста и их представление о ценностных ориентациях значимых других. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 102, 408–411.
- Халфина, Р. Р. (2018). Выход на пенсию как психологическая проблема. В М. В. Нухова и др. (ред.), *Человек в условиях социальных изменений: Сборник научных статей очной Международной научно-практической конференции* (с. 133–136). Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
- Хмелькова, О. В. (2017). Структурные компоненты адаптационной готовности и психолого-педагогические условия ее формирования: динамический аспект. *Интернет-журнал «Мир науки»*, 5(5). Доступ 05 Декабря 2019, источник <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN517.pdf>
- Хьелл, Л. и Зиглер, Д. (2003). *Теории личности* (3-е изд.). Санкт-Петербург: Питер.
- Шамяионов, Р. М. (2015). Адаптационная готовность личности – субъекта социального взаимодействия. *Известия Саратовского университета. Новая Серия. Философия. Психология. Педагогика*, 15(4), 106–112. doi: [10.18500/1819-7671-2015-15-4-106-112](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2015-15-4-106-112)
- Bilsky, W., & Schwartz, S. H. (1994). Values and personality. *European Journal of Personality*, 8(3), 163–181. doi: [10.1002/per.2410080303](https://doi.org/10.1002/per.2410080303)
- Borg, I., Hertel, G., & Hermann, D. (2017). Age and personal values: Similar value circles with shifting priorities. *Psychology and Aging*, 32(7), 636–641. doi: [10.1037/pag0000196](https://doi.org/10.1037/pag0000196)
- Jones, A., & Crandall, R. (1986). Validation of a short index of self-actualization. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 12(1), 63–73. doi: [10.1177/0146167286121007](https://doi.org/10.1177/0146167286121007)
- Jones, C., Peskin, H., Wandeler, C., & Woods, D. (2019). Culturally gendered personality traits across the adult lifespan: Longitudinal findings from two cohorts of the intergenerational studies. *Psychology and Aging*, 34(8), 1124–1133. doi: [10.1037/pag0000383](https://doi.org/10.1037/pag0000383)
- Juang, C., Knight, B. G., Carlson, M., Schepens Niemiec, S. L., Vigen, C., & Clark, F. (2018). Understanding the mechanisms of change in a lifestyle intervention for older adults. *The Gerontologist*, 58(2), 353–361. doi: [10.1093/geront/gnw152](https://doi.org/10.1093/geront/gnw152)
- Kleineidam, L., Thoma, M. V., Maercker, A., Bickel, H., Mösch, E., Hajek, A., ... Wagner, M. (2019). What is successful aging? A psychometric validation study of different construct definitions. *The Gerontologist*, 59(4), 738–748. doi: [10.1093/geront/gny083](https://doi.org/10.1093/geront/gny083)
- Löckenhoff, C. E., & Rutt, J. L. (2017). Age differences in self-continuity: Converging evidence and directions for future research. *The Gerontologist*, 57(3), 396–408. doi: [10.1093/geront/gnx010](https://doi.org/10.1093/geront/gnx010)

ЛАВРОВА О. А.

СОДЕРЖАНИЕ ПРИОРИТЕТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ВОЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ...

Российский психологический журнал, 2019, Т. 16, № 4, 42-55. doi: 10.21702/rpj.2019.4.4

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Nikitin, J., & Freund, A. M. (2019). The adaptation process of aging. In R. Fernández-Ballesteros, A. Benetos, & J.-M. Robine (Eds.), *The Cambridge Handbook of Successful Aging* (pp. 281–298). Cambridge University Press. doi: [10.1017/9781316677018.018](https://doi.org/10.1017/9781316677018.018)
- Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65. doi: [10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Stawski, R. S., Scott, S. B., Zawadzki, M. J., Sliwinski, M. J., Marcusson-Clavertz, D., Kim, J., ... Joshua, M. (2019). Age differences in everyday stressor-related negative affect: A coordinated analysis. *Psychology and Aging*, 34(1), 91–105. doi: [10.1037/pag0000309](https://doi.org/10.1037/pag0000309)
- Teshale, S. M., & Lachman, M. E. (2016). Managing daily happiness: The relationship between selection, optimization, and compensation strategies and well-being in adulthood. *Psychology and Aging*, 31(7), 687–692. doi: [10.1037/pag0000132](https://doi.org/10.1037/pag0000132)

Конфликт интересов отсутствует

Возможности и ограничения опросника «Мастер организации групповой работы»

Тахир Ю. Базаров^{1*}, Александр В. Райков², Ринат Р. Шайхутдинов³

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

² Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Ташкенте, г. Ташкент, Республика Узбекистан

³ GM Powertrain Uzbekistan, пос. Хонобод, Ташкентская область, Республика Узбекистан

* E-mail: tbazarov@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, <https://orcid.org/0000-0001-8124-4602>,
<https://orcid.org/0000-0001-6884-0960>

Аннотация

Введение. Концепция о трех ролях организатора групповой работы – фасилитаторе, медиаторе и модераторе, а также основанный на ней опросник («ФаМеМо»), позволяют расширить понимание психологии лидерства. Целью данного исследования является разработка и апробация модифицированной версии опросника, которая допускает внешнюю оценку компетентностей лидера членами его группы.

Методы. Апробация методики производилась в рамках квазиэксперимента, в котором изучалось влияние компонентов компетентности организатора групповой работы на эффективность совместной интеллектуальной деятельности. Для проверки валидности модифицированной версии инструмента использовались опросники: «Диагностика групповой мотивации» (И. Д. Ладанов), «Диагностика делового, творческого и нравственного климата в коллективе» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов), «Методика оценки психологической атмосферы в коллективе» (А. Ф. Фидлер), «Методика на определение индекса групповой сплоченности» (К. И. Сишор), «Методика изучения предметно-деятельностной и социально-психологической сплоченности группы» (А. В. Сидоренков, А. Л. Мондрус).

Результаты. По итогам эмпирического исследования на выборке из 97 человек в возрасте 18–25 лет выявлена нормальность распределения по шкале «медиатор» и отрицательная асимметрия – по шкалам «фасилитатор» и «модератор». Зафиксирована высокая одномерная надежность шкал опросника (0,846–0,854). Посредством структурного моделирования получены доказательства факторной валидности опросника. Выявлены и содержательно проанализированы отдельные утверждения, снижающие психометрические показатели, предложены варианты их переформулировки. Проверены и, в основном, подтверждены гипотезы о конвергентной валидности шкал опросника.

Обсуждение результатов. Предложенный вариант методики продемонстрировал хорошие психометрические показатели, что определяет возможность диагностики компонентов компетентности мастера организации групповой работы посредством внешней оценки участниками его группы и перспективность дальнейшей разработки инструмента.

Ключевые слова

групповая работа, фасилитатор, медиатор, модератор, организационная компетентность, эмоциональная компетентность, экспертная компетентность, организационно-лидерские качества, эмоциональный лидер, кооперативность

Основные положения

- концепция Т. Ю. Базарова о компонентах компетентности мастера организации групповой работы имеет теоретические и эмпирические доказательства, благодаря чему актуальна разработка модифицированной версии опросника «Фасилитатор – Медиатор – Модератор», допускающей стороннюю оценку лидера участниками его группы;
- предложенная методика демонстрирует высокую надежность, достаточную факторную валидность;
- шкалы «медиатор» и «модератор» обнаруживают взаимосвязи с показателями обще-групповой мотивации, сплоченности, психологической атмосферы, климата коллектива; конвергентная валидность шкалы «фасилитатор» нуждается в дальнейшем исследовании;
- шкала «медиатор» валидна по полу; для шкал «модератор» и «фасилитатор» половая специфика не обнаружена.

Для цитирования

Базаров, Т. Ю., Райков, А. В. и Шайхутдинов, Р. Р. (2019). Возможности и ограничения опросника «Мастер организации групповой работы». *Российский психологический журнал*, 16(4), 56–73. doi: 10.21702/rpj.2019.4.5

Дата получения рукописи: 02.07.2019

Дата окончания рецензирования: 08.12.2019

Дата принятия к публикации: 12.12.2019

Введение

Как отмечает А. Л. Журавлёв, важнейшей социальной задачей является создание продуктивной системы стимулов, мотивирующих работников совместно и плодотворно трудиться, достигая общегрупповые цели и учитывая роль человека, психологические факторы, значение которых устойчиво и закономерно возрастает в современном обществе (Журавлев, 2005).

Определяющую роль команд в обеспечении успешности проекта отмечают многочисленные современные авторы (см. напр. Белбин, 2007; Богданов, 2012; Разу, 2011). Считается, что эффективное управление персоналом – это основа проектного менеджмента и главный фактор успеха его реализации (Базаров, 2011; Базаров и Ладионенко, 2017).

Эффективное ведение бизнеса во многом зависит от функционирования организационных процессов, в частности, от налаженной системы управления человеческими ресурсами. На этом уровне возникает потребность в организаторе, который обладает широким спектром методик и технологий диагностики и обучения.

С точки зрения концепции «Мастер организации групповой работы» (Базаров, 2011, 2013), можно выделить 3 базовых компонента совместной деятельности: работу на уровне личности, работу на уровне группы и работу на уровне задачи. На основе данной концепции идентифицируются три роли мастера организации групповой работы, которые различаются

приоритетными аспектами взаимодействия относительно каждого из компонентов совместной деятельности. Во-первых, это роль *фасилитатора*, для которого первоочередными ориентациями выступают группа в целом и групповые процессы. В терминологии компетентного подхода здесь мы говорим об организационной компетентности (компетентность – это комплекс характеристик личности, ее свойств, способностей и меры ее мотивации, которые необходимы человеку для эффективной деятельности в условиях определенной компетенции (требований работы) (Базаров и Ладионенко, 2017), – *прим. авт.*). Во-вторых, это индивидуальные особенности персонала, грамотный учет которых подразумевает эмоциональную компетентность. Мастер организации групповой работы, преимущественно сосредоточенный на данной сфере, далее именуется *медиатором*. Проработка и анализ содержательной стороны организационных задач, которая требует интеллектуальной экспертной компетентности, отражается в деятельности *модератора* (Базаров, 2013). Раскроем семантику и функционал каждой роли подробнее.

Роль фасилитатора

Технология фасилитации связана с разработкой и управлением процессами и структурой группы, а также достижением результата (Мартынова, 2011). Фундаментальная характеристика фасилитатора отражается в **объекте** его воздействия – *группой как целым, ее процессами и динамикой*. Главной целью фасилитатора является достижение эффективной групповой работы. В целом **функции фасилитатора** заключаются: в снятии коммуникативных барьеров; в создании условий, помогающих каждому участнику быть включенным в групповое решение задачи; в выработке регламентов (этапы и правила работы), а также их контроле; в формировании и распределении командных ролей; регулировании групповых мыслительных процессов. В то же время, будучи активным в процессе взаимодействия с членами группы, фасилитатор не вмешивается в содержательный аспект работы. В методический арсенал фасилитатора входят различные способы организации совместной деятельности группы, например, мозговой штурм, групповое обсуждение и т. д. (Базаров, 2011; Базаров и Ладионенко, 2013), которые, в свою очередь, нивелируют трудности взаимодействия в группе (Штроо, 2015).

Для успешной реализации роли фасилитатора человек должен обладать набором соответствующих **компетенций**:

- *организационно-лидерские качества* – умение организовывать групповую коммуникацию и коллективную деятельность, формировать ролевую структуру группы, при этом человек должен быть активен, инициативен в этих стремлениях;
- *кооперативность* – знание механизмов групповой динамики; именно для фасилитатора в наибольшей степени свойственны готовность к командной работе и ориентация на партнерское взаимодействие;
- *предусмотрительность* – умение анализировать групповую ситуацию, конкретизировать этапы достижения совместной цели и сценарировать будущее.

Кроме того, ему необходимо глубокое знание групповых процессов, таких как динамика группы, ее ролевая структура, в том числе распределение командных ролей, выстраивание эффективной коммуникации, создание правил работы с последующим контролем. Роль фасилитатора иногда характеризуют как «бессодержательную», имея в виду то обстоятельство, что фасилитатор в большей мере фокусируется на выстраивании эффективного взаимодействия,

нежели на содержании решаемой группой проблемы (Базаров, 2011). Организатор групповой работы в роли фасилитатора создает условия для эффективной мотивации сотрудников, стимулирует участников на совместную деятельность (Базаров, 2011; Мартынова, 2011). Способность использовать методики и технологии, а также четкое понимание теоретических моделей и принципов фасилитации рассматриваются как высший уровень компетентности фасилитатора (Bens, 2005; Schwarz, 2005).

Роль медиатора

Роль медиатора предполагает взаимодействие организатора групповой работы с участниками группы на эмоциональном уровне. Функционал лидера и/или руководителя данного стиля направлен на создание необходимых условий для личностного развития, проявления в поведении скрытых и явных личностных паттернов, необходимых при выполнении поставленной задачи. В деятельности медиатора **объектом** его воздействия и внимания является *личность* членов группы, а его **функции** заключаются в улучшении социально-психологического климата, создании атмосферы, необходимой для раскрытия и развития персонала. Кроме того, медиатор работает с внутренним состоянием участников (Базаров, 2011, 2013).

Компетентность медиатора включает следующие компоненты:

- *влиятельность* – наличие кредита доверия со стороны партнеров по коммуникации, создание внутренних условий для осуществления процессов уникализации, побуждение других к развитию; влиятельность медиатора подразумевает умение устанавливать личный эмоциональный контакт с другими людьми;
- *проницательность* – диагностика эмоциональных состояний других людей, оценка возможностей личностных изменений; проницательность медиатора заключается в умении и способности проявить каждого участника;
- *толерантность* – готовность принять различные формы самовыражения, направления индивидуального развития партнеров, умение децентрироваться; толерантность включает безоценочное невербальное поведение, способность беспристрастно принимать различные точки зрения в группе.

Чаще всего роль медиатора проявляется в конфликтных ситуациях, где он выполняет психотерапевтическую функцию, выступает посредником при разрешении проблем между участниками. Роль медиатора в группе направлена на создание оптимального для совместной деятельности социально-психологического климата. Это, в свою очередь, предполагает диагностику взаимоотношений в группе, а затем выработку групповых норм, снятие напряжения между участниками и эмоциональных конфликтов. Помощь в самосовершенствовании других людей, культивирование и закрепление личных взаимоотношений способствуют высокой эффективности взаимодействия с окружающими (Бояцис и Макки, 2007). Для этого медиатор должен эффективно исполнять следующие амплуа (Базаров, 2011, 2013):

- *эмоционального лидера* – человека, который выступает авторитетом для членов группы (не обязательно занимая руководящую должность);
- *диагноста* – человека, способного выявлять актуальное психологическое состояние группы, а также каждого участника в отдельности;
- *интегратора* – человека, который может сплотить группу, решив межличностные конфликты в группе.

В ряде исследований было выявлено, что эффективность процесса посредничества у людей

с разным уровнем эмоционального лидерства будет неодинакова. Наибольшей продуктивностью в урегулировании конфликта обладает посредник со средним и высоким уровнями контроля эмоциональной интенсивности эмоций и влияния на эмоциональные состояния людей (Базаров и Чиннова, 2012; Штроо и Серов, 2011).

Роль модератора

Роль модератора в групповом взаимодействии связана с решением поставленной задачи за счет вопросно-ответной процедуры, достижения группового плюрализма, рассмотрения ситуации с различных перспектив. **Предметом** работы модератора является *содержание задачи, проблемы*. **Целью** деятельности модератора является *совместное решение группы поставленных вопросов, расширение арсенала способов их решения, нахождение наиболее эффективного решения* (Базаров, 2011, 2013).

Для того чтобы выполнять функции модератора, организатор групповой работы должен быть экспертом в теме обсуждения (Базаров, 2011, 2013; Кричевский, 1993; Howard & Bray, 1990). Важнейшими задачами модератора являются организация диалога – «вопросно-ответная» процедура (Сорина, 2006), создание условий для свободного обмена мнениями, для творческого совместного подхода к решению задачи (Базаров, 2011, 2013).

В процессе групповой работы **функциями** модератора являются:

- выявление сути вопроса;
- развитие плюрализма точек зрения у участников (Базаров, 2011; Базаров и Еремин, 2006);
- развитие креативности группы, сотворчество (Базаров, 2017);
- исключение потенциальных ошибок в рассуждениях, работа над качеством аргументов;
- развитие взаимопонимания у участников, согласование их точек зрения;
- выбор оптимального для участников способа решения проблемы;
- выработка групповой и индивидуальной ответственности за решение поставленной задачи;
- обсуждение будущего плана работы (Базаров, 2011, 2013).

Роль модератора реализуется через следующие **компетенции**:

- *динамичность мышления* – способность работать с разноплановыми интеллектуальными и практическими задачами с высокой скоростью и точностью, быстро переключаться с решения одной проблемы на другую;
- *креативность* – способность продуцировать необычные решения традиционных задач, поиск способов преодоления проблем, высокая вариативность решений;
- *проблемная ориентация* – способность отслеживать и фиксировать несогласованности в различных аспектах ситуации, формулировать продуктивные противоречия.

Для того чтобы помогать группе продвигаться в содержании, модератор сам должен обладать широким кругозором, быть в курсе современных разработок в науке и практике. Кроме того, ему необходимо быть восприимчивым к мнению участников группы, слушать и слышать ответы на задаваемые вопросы, понимать смысл ответов (Базаров, 2011).

Методы

На основе вышеизложенного теоретического конструкта был создан опросник «*Мастер организации групповой работы*» (автор – доктор психологических наук, профессор Т. Ю. Базаров).

Выборка. Участниками исследования выступили 97 человек (41 мужского и 56 женского пола) в возрасте от 18 до 25 лет.

Все респонденты были разделены на 25 групп, включавших по одному руководителю (11 мужчин и 14 женщин) и, за единичными исключениями, по 3 участника. Роль капитана команды поручалась игрокам, которые имели опыт выполнения организаторских функций. Учащиеся на одном потоке распределялись по различным группам.

Процедура. Участникам исследования было необходимо кооперативно решать интеллектуальные задания 2 типов, взятые из пособия по игре «Что? Где? Когда?» (Русанова, 1992) и теста прогрессивных матриц Равена.

Затем происходил этап опроса участников.

Методики:

1. Опросник «Мастер организации групповой работы».
2. Диагностика групповой мотивации (И. Д. Ладанов) (Ладанов, 2004; Фетискин, Козлов и Мануйлов, 2002).
3. Диагностика делового, творческого и нравственного климата в коллективе (Фетискин и др., 2002).
4. Оценка психологической атмосферы в коллективе (Ф. Фидлер) (Фетискин и др., 2002).
5. Индекс групповой сплоченности (К. Сишор) (Фетискин и др., 2002).
6. Методика изучения предметно-деятельностной и социально-психологической сплоченности группы (Сидоренков и Мондрус, 2011).

Собранные данные обрабатывались в программе Microsoft Office Excel 2010, статистических пакетах SPSS15.0 и EQS6.2 for Windows.

Результаты

Данные описательной статистики и надежности-согласованности

Вначале были подсчитаны показатели описательной статистики по каждому пункту методики и величины надежности ее шкал (табл. 1).

Все шкалы обладают уровнем надежности-согласованности более 0,8, что является высоким показателем для личностных опросников (Митина, 2011).

В составе шкалы «фасилитатор» имеется единственное утверждение, удаление которого повысило бы надежность: «*Фиксировал успехи, достигнутые группой в процессе работы*». Данный пункт имеет значимый отрицательный эксцесс: по-видимому, лидеры были неоднородны, и часть из них считала эту функцию необязательной, перепоручала ее секретарю и т. п.

В составе шкалы «медиатор» имеются два утверждения, слабо понижающие ее согласованность: «*Помогал группе разрешать непродуктивные конфликты*» и «*Был склонен решать проблему на эмоциональном уровне*», однако их смысл хорошо отражает конструкт, поэтому изменение не оправдано.

В составе шкалы «модератор» имеется единственный пункт, слабо понижающий ее согласованность: «*Быстро и легко переключается с решения одной задачи на другую*»; он обладает значительным скосом к более высоким баллам. Предположительно он недостаточно отражает содержание задач и стал бы более эффективным в формулировке «*Быстро и легко переключается с решения одной интеллектуальной задачи на другую*».

Таблица 1 Показатели описательной статистики и величины альфа Кронбаха при удалении для всех пунктов методики						
	<u>Среднее</u>	<u>Стандартное отклонение</u>	<u>Асимметрия</u>	<u>Экцесс</u>	<u>Испр. корреляция пункта со шкалой</u>	<u>Альфа Кронбаха при удалении пункта</u>
Шкала «фасилитатор» ($\alpha = 0,855$)						
Фа1. Во время работы в группе следил за тем, чтобы доводить дело до завершения	3,66	1,195	-0,776*	-0,391	0,626	0,835
Фа2. Обладает талантом организатора	3,37	1,007	-0,474	0,181	0,686	0,832
Фа3. В ситуации группового взаимодействия ему легко удалось подключить каждого к групповой работе	3,31	1,069	-0,394	-0,615	0,615	0,837
Фа4. Замотивировал участников на решение проблемы	3,23	1,000	-0,349	-0,095	0,611	0,838
Фа5. Прояснил общие цели и ожидаемые результаты совместной деятельности	3,43	1,185	-0,268	-0,913	0,653	0,833
Фа6. Прояснил индивидуальные цели совместной деятельности (цели каждого участника)	3,12	1,297	-0,158	-1,118*	0,495	0,847
Фа7. Организация группового процесса – одна из самых сильных его сторон	3,19	1,098	-0,139	-0,521	0,666	0,832
Фа8. Уделял большое внимание формальным характеристикам групповой работы	2,96	1,142	-0,047	-0,632	0,516	0,845
Фа9. Установил этапы и правила работы	3,17	1,311	-0,315	-1,038*	0,572	0,840
Фа10. Фиксировал успехи, достигнутые группой в процессе работы	3,18	1,330	-0,250	-1,038*	0,262	0,869

Таблица 1

Показатели описательной статистики и величины альфа Кронбаха при удалении для всех пунктов методики

	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экцесс	Испр. корреляция пункта со шкалой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
Шкала «медиатор» ($\alpha = 0,846$)						
Ме1. Его можно назвать эмоционально теплым человеком	3,89	0,950	-0,895*	0,695	0,484	0,837
Ме2. Интересуется состоянием каждого члена группы	3,00	1,170	0,000	-0,738	0,673	0,819
Ме3. Стремится хорошо понимать эмоциональное состояние своих коллег	3,19	1,069	-0,068	-0,432	0,696	0,817
Ме4. Хорошо чувствует людей и легко может влиять на их эмоциональное состояние	3,15	0,940	-0,065	-0,080	0,654	0,823
Ме5. Помогал группе разрешать непродуктивные конфликты	3,30	0,964	-0,067	-0,203	0,337	0,849
Ме6. Я думаю, что к нему можно обращаться за эмоциональной поддержкой, когда плохо	3,47	1,056	-0,327	-0,373	0,625	0,824
Ме7. Мне кажется, что для него в общении важнее всего личный контакт	3,31	1,029	-0,131	-0,632	0,465	0,839
Ме8. Был склонен решать проблему на эмоциональном уровне	2,50	1,114	0,116	-0,997*	0,314	0,853
Ме9. Помогал менее коммуникативным участникам группы входить в коммуникативное пространство	2,96	1,169	0,042	-0,806	0,576	0,829
Ме10. Решение эмоциональных проблем – одна из самых сильных его сторон	3,00	1,046	0,056	-0,215	0,636	0,823

Таблица 1 Показатели описательной статистики и величины альфа Кронбаха при удалении для всех пунктов методики						
	<u>Среднее</u>	<u>Стандартное отклонение</u>	<u>Асимметрия</u>	<u>Экцесс</u>	<u>Испр. корреляция пункта со шкалой</u>	<u>Альфа Кронбаха при удалении пункта</u>
Шкала «модератор» ($\alpha = 0,854$)						
Мо1. Может быстро выявлять и использовать новые способы в решении задачи	3,55	1,035	-0,404	-0,360	0,590	0,838
Мо2. Логика – одна из самых сильных его сторон	3,5	0,929	-0,362	0,259	0,513	0,844
Мо3. Умеет так задавать вопросы, что люди после ответа на них сами находят верное решение своей проблемы	2,81	1,079	-0,027	-0,582	0,549	0,841
Мо4. Всегда начинает дискуссию, чтобы стимулировать коллег на новые мысли и привести группу в движение	3,64	1,007	-0,918*	0,700	0,516	0,844
Мо5. Быстро и легко переключается с решения одной задачи на другую	4,19	0,837	-0,917*	0,400	0,305	0,859
Мо6. Хорошо владеет изложением сути проблемы	3,75	1,036	-0,696*	0,029	0,695	0,828
Мо7. Занимается формулировкой проблемных вопросов	3,51	1,076	-0,675*	-0,017	0,572	0,839
Мо8. Четко формулирует и высказывает идеи	3,84	0,998	-0,846*	0,541	0,688	0,829
Мо9. Стимулировал участников на вопросы и комментарии	3,35	1,142	-0,606*	-0,541	0,537	0,843
Мо10. Выдвигал большое количество идей решения проблемы	3,62	1,109	-0,651*	-0,382	0,602	0,836
Стандартная ошибка			0,246	0,488		
Условные обозначения: * – значение превышает две свои стандартные ошибки по модулю.						

Шкальные баллы вычислялись путем усреднения ответов испытуемого на пункты шкалы. Статистики шкальных баллов обобщены в таблице 2.

Таблица 2
 Показатели описательной статистики и результаты проверки на нормальность для шкальных баллов методики (N = 95)

	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экцесс	p-значение по тесту Шапиро – Уилка
Фасилитатор	3,24	0,749	1	5	-0,555*	0,638	0,034
Медиатор	3,16	0,658	1,3	4,8	-0,058	0,309	0,752
Модератор	3,56	0,662	1,5	4,8	-0,598*	0,915	0,007
	Стандартная ошибка				0,247	0,490	

Условные обозначения: * – значение превышает две свои стандартные ошибки по модулю.

Шкалы «фасилитатор» и «модератор» обладают значимым скосом к сравнительно высоким баллам, что может объясняться как спецификой задачи для командного интеллектуального обсуждения, так и возможной социальной желательностью качеств. Распределение по шкале «медиатор» не отличается от нормального, что доказывает достаточную репрезентативность выборки для этого параметра.

Структурное моделирование

Для проверки **надежности** и **факторной валидности** шкал опросника был использован конфирматорный факторный анализ. Проведение метода на нашей выборке проблематично: во-первых, количество испытуемых невелико для структурного моделирования (Tabachnick & Fidell, 2014), во-вторых, шкалу Лайкерта по пунктам следует рассматривать лишь как ранговую категориальную. Чтобы повысить доверие к выводам, мы вели расчет дважды, с помощью: а) оптимальной для малых выборок статистики Юаня – Бентлера (Tabachnick & Fidell, 2014), б) анализа категориальных переменных (Bentler, 2006).

Согласованность модели с эмпирическими данными, согласно подходу Юаня – Бентлера, можно считать лишь умеренной ($\chi^2 = 638,18$, $df = 402$; CFI = 0,759; RMSEA = 0,079). Если отношение χ^2 к степеням свободы укладывается в 2 (Митина, 2008), а величина RMSEA ниже 0,1 не позволяет говорить о плохой согласованности (Tabachnick & Fidell, 2014), то сравнительный индекс согласия далек от требуемого уровня 0,9 (Tabachnick & Fidell, 2014; Митина, 2008). Расчеты на основе категориальных переменных говорят о хорошей согласованности модели с данными ($\chi^2 = 646,548$, CFI = 0,941; RMSEA = 0,080).

При обеих проверках все пункты опросника продемонстрировали значимую положительную нагрузку на соответствующие им факторы ($z \geq 2,06$; $p < 0,02$). Кроме того, все латентные переменные обладали значимой ($z \geq 10$; $p < 0,0005$) и очень высокой корреляцией между собой (табл. 3).

Таблица 3
Корреляции Пирсона между латентными переменными согласно конфирматорному факторному анализу на общей выборке

Методология	Медиатор		Модератор	
	Статистика Юаня – Бентлера	Полихорическая корреляция	Статистика Юаня – Бентлера	Полихорическая корреляция
Фасилитатор	0,772	0,779	0,817	0,797
Медиатор			0,706	0,706

Высокая взаимосвязь между шкалами делает актуальным доказательство факторной валидности. Для этой цели была проверена конкурирующая модель № 2, в которой корреляции между факторами приравнены к 1, соответствуя тождеству всех ролей мастера групповой работы. Различия в согласованности вложенных моделей были оценены с помощью критерия различий хи-квадрат (Burgne, 2010) и информационных критериев (Garson, 2015), все они обладают крайне высокой значимостью ($p < 0,00001$) и обобщены в таблице 4.

Таблица 4
Согласованность основной и конкурирующих моделей

	df	Индексы согласованности модели					
		CFI	RMSEA	χ^2	AIC	CAIC	Разность χ^2
Модель 1	402	0,759	0,079	638,175	-165,825	-1598,693	
		0,941	0,080	646,548	-157,452	-1590,320	
Модель 2	405	0,690	0,089	708,653	-101,347	-1544,908	70,478
		0,903	0,102	805,485	-4,515	-1448,076	158,937

Таким образом, шкалы нашего опросника ролей мастера групповой работы обладают исключительно высокой дискриминантной валидностью, эмпирически доказывая специфичность и обособленность выделенных конструкторов – фасилитатора, медиатора и модератора.

Затем был проведен ЛМ-тест, на базе которого было выбрано 5 наиболее значимых и интерпретируемых детерминаций пунктов побочными факторами, в связи с чем приняты решения о переформулировках заданий (табл. 5).

Таблица 5 Нагруженные побочными факторами пункты опросника по результатам ЛМ-теста на общей выборке			
<u>Исходная формулировка</u>	χ^2	<u>Побочно нагружен</u>	<u>Предлагаемое изменение формулировки</u>
Мо23. Умеет так задавать вопросы, что люди после ответа на них сами находят верное решение своей проблемы	17,88	Ме	Умеет так задавать вопросы, что люди после ответа на них сами находят верное решение задачи
Мо29. Стимулировал участников на вопросы и комментарии	14,23	Ме	Задает участникам вопросы и комментирует их предложения
Ме15. Помогал группе разрешать непродуктивные конфликты	14,19	Мо	В случае непродуктивного конфликта помогал участникам успокоиться и найти общий язык
Фа1. Во время работы в группе следил за тем, чтобы доводить дело до завершения	12,29	Ме	Не изменять, но одновременно рассматривать как обратный пункт для шкалы «Медиатор»
Мо24. Всегда начинает дискуссию, чтобы стимулировать коллег на новые мысли и привести группу в движение	9,54	Фа	Своими репликами в дискуссиях активизирует мышление коллег, позволяя им прийти к новым идеям

Далее был проведен конфирматорный факторный анализ данных, ограниченный выборкой участников (72 человека), исключая лидеров группы.

Согласованность модели с эмпирическими данными, согласно подходу Юаня – Бентлера может считаться лишь умеренно приемлемой ($\chi^2 = 601,023$, $df = 402$; CFI = 0,760; RMSEA = 0,084). Расчеты на основе полихорической корреляции ранговых шкал утверждают об очень хорошей согласованности модели с данными ($\chi^2 = 454,738$, CFI = 0,981; RMSEA = 0,043).

При обеих проверках все пункты продемонстрировали значимую положительную нагрузку на их факторы ($z \geq 2,06$; $p < 0,02$). Все факторы обладали значимой ($z \geq 10$; $p < 0,0005$) высокой корреляцией между собой (см. табл. 6). Результаты сходны с общей выборкой, повышая к ним доверие.

Методология	Медиатор		Модератор	
	Статистика Юаня – Бентлера	Полихорическая корреляция	Статистика Юаня – Бентлера	Полихорическая корреляция
Фасилитатор	0,759	0,756	0,793	0,750
Медиатор			0,724	0,711

Валидность методики

Содержательная валидность опросника достигается составлением формулировок в соответствии с теоретически выделенными задачами и способами выполнения трех ролей мастера групповой работы.

О **конвергентной валидности** шкал опросника можно предварительно судить по их взаимосвязям со шкальными баллами по другим методикам, пройденным респондентами. Нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Уровни общегрупповой мотивации, групповой сплоченности и психологической атмосферы в коллективе прямо связаны с выраженностью всех ролей, но наиболее – с выраженностью роли медиатора.
2. Выраженность роли фасилитатора прямо связана с деловым климатом, предметно-деятельностной и социально-психологической сплоченностью, но последняя связана с ней слабее, чем с ролью медиатора.
3. Выраженность роли медиатора прямо связана с деловым климатом, нравственным климатом, социально-психологической сплоченностью.
4. Выраженность роли модератора прямо связана с творческим климатом, предметно-деятельностной сплоченностью и нравственным климатом, но последний связан с ней слабее, чем с ролью медиатора.

Статистики шкал валидирующих показателей обобщены в таблице 7.

Таблица 7
 Показатели описательной статистики, результаты проверки на нормальность и надежность валидирующих показателей

Шкалы	N	Альфа Кронбаха	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экцесс	р-значение по тесту Шапиро – Уилка
Общегрупповая мотивация	95	0,892	64,10	12,554	-1,936*	6,617**	< 0,0005
Деловой климат	95	0,793	6,41	1,296	-0,633*	0,435	0,044
Творческий климат	95	0,901	7,00	1,366	-0,636*	-0,503	< 0,0005
Нравственный климат	95	0,875	7,39	1,159	-0,565*	-0,054	0,007
Атмосфера в коллективе	95	0,925	2,41	0,998	0,510*	-0,451	0,002
Сплоченность	96	0,665	13,47	3,61	-1,498*	4,384**	< 0,0005
Предметно-деятельностная сплоченность	91	0,880	25,59	7,67	-0,712*	-0,443	< 0,0005
Социально-психологическая сплоченность	91	0,904	25,14	8,39	-0,843*	-0,269	< 0,0005

Условные обозначения: * – значение превышает две свои стандартные ошибки по модулю.

Все используемые для валидации шкалы высоко надежны. Из-за ненормальности распределения в качестве основного применялись непараметрические коэффициенты корреляции Спирмена (табл. 8).

Таблица 8
Кoeffициенты корреляции между шкалами методики «Фамемо» и шкалами валидизирующих методик

Шкалы других опросников	Шкалы методики «Фамемо»		
	Фасилитатор	Медиатор	Модератор
Общегрупповая мотивация	0,430***	0,572***	0,507***
Групповая сплоченность	0,315***	0,417***	0,369***
Психологическая атмосфера	-0,463***	-0,459***	-0,465***
Предметно-деятельностная сплоченность	0,208*	0,396***	0,250**
Социально-психологическая сплоченность	0,228**	0,398***	0,244**
Деловой климат	0,331***	0,401***	0,420***
Творческий климат	0,416***	0,391***	0,505***
Нравственный климат	0,381***	0,424***	0,479***

Условные обозначения: * – корреляция значима на уровне $p < 0,1$; ** – корреляция значима на уровне 0,05; *** – корреляция значима на уровне 0,01.

Как видно из полученных данных, психологическая атмосфера в группе проявила приблизительно равную связь с выраженностью всех ролей мастера групповой работы, что может объясняться спецификой групповой деятельности. При решении задач на продуктивное мышление в формате регламентированной процедуры компетентности фасилитатора и модератора могли быть важными для благоприятной групповой атмосферы.

Роль фасилитатора оказалась связанной, хотя и незначительно, с показателями предметно-деятельностной сплоченности. Возможно, специфика деятельности способствовала большему сплочению группы вокруг генератора идей. Все обнаруженные связи значимы, но посредническая и психотерапевтическая функции лидера оказались главными для всех аспектов сплоченности, включая предметно-деятельностную.

Валидность по полу. Предполагалось, что медиативная функция мастера организации групповой работы, ориентированная на эмоциональный аспект взаимодействия, в большей

мере должна быть свойственна лидерам-женщинам. Тест Манна – Уитни ($U = 844$; $p = 0,027$; $r = 0,227$), действительно, подтверждает наличие слабой связи. Однако выраженность ролей фасилитатора и модератора половой специфики не имеет ($U \geq 977,5$; $p \geq 0,220$; $r < 0,1$).

Обсуждение результатов

В ходе эмпирического исследования был разработан и апробирован диагностический инструмент, который продемонстрировал хорошие психометрические показатели. Все шкалы опросника обладают высоким уровнем надежности-согласованности, в них не было выявлено явно неинформативных для поставленной цели заданий. В то же время статистические данные выявили необходимость переформулировки некоторых утверждений, что позволило усовершенствовать исходный материал. Имеются убедительные основания говорить о факторной валидности структуры опросника, выступающие эмпирической поддержкой концепции о наличии трех самостоятельных и несводимых друг к другу, хотя и тесно взаимосвязанных, ролях мастера организации групповой работы.

Кроме того, получен ряд доказательств конвергентной валидности и валидности методики по полу, свидетельствующих о способности инструмента к дифференциации объективно существующих различий.

Заключение

Перспективу данного исследования мы видим в практическом использовании разработанной методики в сфере управления и подготовке специалистов в области организации групповой работы.

Необходимо отметить специфику выборки для апробации и особенности содержания совместной деятельности испытуемых (решение творческих и проблемных задач). Ради обеспечения большей репрезентативности данных необходимы дальнейшие исследования на других выборках и в иных условиях взаимодействия, многократное увеличение числа опрошенных на основной этап апробации.

Следует также отметить, что распределение данных по ряду пунктов, а также шкалам «фасилитатор» и «модератор» обладало скосом к сравнительно более высоким баллам, что может быть вызвано как неполной репрезентативностью данных, так и, возможно, социальной желательностью этих черт, которую следует учитывать при диагностическом использовании методики.

Возможность диагностического использования опросника, разумеется, подразумевает расчет тестовых норм. Стандартизация модифицированной методики «Фасилитатор – Медиатор – Модератор», наряду с расширением доказательств ее надежности, валидности и репрезентативности, является важнейшей перспективой будущих исследований.

Литература

- Базаров, Т. Ю. (2011). *Технология центров оценки персонала: процессы и результаты: практическое пособие*. Москва: КноРус.
- Базаров, Т. Ю. (2013). Бизнес-образование: развитие организаций или организация развития? *Организационная психология*, 3(4), 92–108.
- Базаров, Т. Ю. (2017). Влияние индивидуально-психологических характеристик членов группы на успешность совместно-творческой деятельности. В Н. Л. Иванова (отв. ред.),

- Бизнес-психология в международной перспективе: коллективная монография.* Москва: Университетская книга.
- Базаров, Т. Ю. и Еремин, Б. Л. (ред.) (2006). *Управление персоналом. Учебник для вузов.* Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Базаров, Т. Ю. и Ладионенко, М. А. (2013). Методика создания модели компетентностей. *Организационная психология*, 3(3), 61–77.
- Базаров, Т. Ю. и Ладионенко, М. А. (2017). *Технологические основы оценки персонала (методические рекомендации к курсу «Ассесмент-центр»).* Москва: Перо.
- Базаров, Т. Ю. и Чиннова, А. С. (2012). Социально-психологические детерминанты эффективности медиации. *Психологические исследования*, 5(23), 11. Доступ 20 июня 2019, источник <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n23/676-bazarov23.html>
- Белбин, Р. М. (2007). *Команды менеджеров: как объяснить их успех или неудачу* (2-е изд.). Лондон: Кивитс.
- Богданов, В. В. (2012). *Управление проектами. Корпоративная система – шаг за шагом.* Москва: Манн, Иванов и Фербер.
- Бояцис, Р. и Макки, Э. (2007). *Резонансное лидерство* (А. Лисицина, пер. с англ.). Москва: Альпина Бизнес Букс.
- Журавлев, А. Л. (2005). *Психология совместной деятельности.* Москва: Ин-т психологии РАН.
- Кричевский, Р. Л. (1993). *Если Вы – руководитель... Элементы психологии менеджмента в повседневной работе.* Москва: Дело.
- Ладанов, И. Д. (2004). *Практический менеджмент. Психотехника управления и самопренировки.* Москва: Корпоративные стратегии.
- Мартынова, А. В. (2011). Фасилитация как технология организационного развития и изменений. *Организационная психология*, 1(2), 53–91.
- Митина, О. В. (2008). Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений. *Экспериментальная психология*, 1(1), 131–148.
- Митина, О. В. (2011). *Разработка и адаптация психологических опросников.* Москва: Смысл.
- Разу, М. (2011). *Управление проектом. Основы проектного управления.* Москва: КноРус.
- Русанова, И. И. (1992). *Что? Где? Когда? Игра для всех.* Москва: Русский язык.
- Сидоренков, А. В. и Мондрус, А. Л. (2011). *Методика изучения сплоченности малой группы в организации: Учебно-методическое пособие.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ.
- Сорина, Г. В. (2006). Аргументативные практики и вопросно-ответные процедуры в управленческом дискурсе. *Мысль: Журнал Петербургского философского общества*, 6(1), 160–174.
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В. и Мануйлов, Г. М. (2002). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп.* Москва: Изд-во Института психотерапии.
- Штроо, В. А. (2015). *Методы активного социально-психологического обучения.* Москва: Юрайт.
- Штроо, В. А. и Серов, С. Ю. (2011). Эмоциональный интеллект участников как фактор эффективности деловых переговоров. *Организационная психология*, 1(1), 8–23.
- Bens, I. (2005). *Advanced Facilitating Strategies: Tools & techniques to master difficult situations.* San Francisco: Jossey-Bass.
- Bentler, P. M. (2006). *EQS 6 structural equations program manual.* Encino, CA: Multivariate Software, Inc.
- Byrne, B. M. (2010). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (2nd ed.). New York: Routledge.
- Garson, G. D. (2015). *Structural equation modeling.* North Carolina: Statistical Publishing Associates.

БАЗАРОВ Т. Ю., РАЙКОВ А. В., ШАЙХУТДИНОВ Р. Р.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ОПРОСНИКА «МАСТЕР ОРГАНИЗАЦИИ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ»

Российский психологический журнал, 2019, Т. 16, № 4, 56-73. doi: 10.21702/rpj.2019.4.5

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Howard, A., & Bray, D. (1990). Predictions of managerial success over long periods of time: Lessons from the management progress study. In K. E. Clark & M. B. Clark (Eds.), *Measures of leadership*. Greensboro: Center for Creative Leadership.

Schwarz, R. (2005). The skilled facilitator approach. In S. Schuman (Ed.), *The IAF handbook of group facilitation* (pp. 21–34). San Francisco: Jossey-Bass.

Tabachnick, B. G., & Fidell, L. S. (2014). *Using Multivariate Statistics* (6th ed.). Northridge: Pearson.

Конфликт интересов отсутствует

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в формате редактора Word doc или docx, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе необходимо использовать шрифт Times New Roman.

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов, 10 ключевых фраз, основные положения статьи. Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, а также на правильность оформления материала. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиями публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте «Российского психологического журнала»:
<https://rpj.ru.com>